

English	Russian
Prologue	Пролог
<i>It's funny, Vasher thought, how many things begin with my getting thrown into prison.</i>	«Умора, как часто все у меня начинается с каталажки », — подумал Вашер.
The guards laughed to one another, slamming the cell door shut with a clang. Vasher stood and dusted himself off, rolling his shoulder and wincing.	Пересмеиваясь между собой, стражники с лязгом захлопнули дверь камеры. Вашер встал, отряхнулся и, морщась, поворачивал плечами.
While the bottom half of his cell door was solid wood, the top half was barred, and he could see the three guards open his large duffel and riffle through his possessions.	Нижняя половина двери была из толстого дерева, а верхняя — зарешечена, и он увидел, как трое тюремщиков открыли его вместительную котомку и принялись рыться в пожитках.
One of them noticed him watching.	Один перехватил его взгляд.
The guard was an oversized beast of a man with a shaved head and a dirty uniform that barely retained the bright yellow and blue coloring of the T'Telir city guard.	Здоровенный кабан с бритой наголо головой и в грязном мундире, на котором едва проступали некогда яркие — желтые и синие — цвета городской стражи Т'Телира.
<i>Bright colors, Vasher thought. I'll have to get used to those again.</i>	«Яркие краски, — подумал Вашер. — Придется к ним снова привыкнуть».
In any other nation, the vibrant blues and yellows would have been ridiculous on soldiers.	В любой другой стране веселенькая желто-синяя расцветка солдатской формы показалась бы дикой.
This, however, was Hallandren: land of Returned gods, Lifeless servants, BioChromatic research, and—of course—color.	Однако он находился в Халландрене — в краю возвращенных богов, безжизненных слуг, биохроматических изысканий и, разумеется, красок.
The large guard sauntered up to the cell door, leaving his friends to amuse themselves with Vasher's belongings.	Тюремщик- амбал лениво приблизился к двери камеры, предоставив друзьям развлекаться имуществом Вашера.
"They say you're pretty tough," the man said, sizing up Vasher.	Смерил его взглядом. — Говорят, ты крутой, — сказал он.
Vasher did not respond.	Вашер не ответил.
"The bartender says you beat down some twenty men in the brawl." The guard rubbed his chin.	— Трактирщик гонит , что при разборке ты уложил человек двадцать. — Стражник поскреб подбородок.
"You don't look that tough to me.	— Мне ты таким крутым не кажешься.
Either way, you should have known better than to strike a priest.	Короче, ты зря засветил жрецу.
The others, they'll spend a night locked up. You, though . . . you'll hang. Colorless fool."	Остальные-то переночуют под замком, а тебя, бесцветный козлина , подвешат!
Vasher turned away. His cell was functional, if unoriginal.	Вашер отвернулся. Его камера была удобна, хотя и убога.
A thin slit at the top of one wall let in light, the stone walls dripped with water and moss, and a pile of dirty straw decomposed in the corner.	Свет проникал через узкий проем в верхней части одной стены. Сами каменные стены сочились влагой и поросли мхом, в углу гнила куча грязной соломы.
"You ignoring me?" the guard asked, stepping closer to the door.	— Что, язык проглотил? — ощерился страж, подступая еще ближе к двери.
The colors of his uniform brightened, as if he'd stepped into a stronger light.	Цвета его мундира стали ярче, как будто улучшилось освещение.
The change was slight.	Перемена была небольшой.
Vasher didn't have much Breath remaining, and so his aura didn't do much to the colors around him.	У Вашера осталось мало дохов, и его аура слабо влияла на окружающие цвета.
The guard didn't notice the change in color—just as he hadn't noticed back in the bar, when he and his buddies had picked Vasher up off the floor and thrown him in their cart.	Страж не заметил перемен — как и там, в кабаке, когда со своими громилами поднял Вашера с пола и зашвырнул в скотовозку.
Of course, the change was so slight to the unaided eye that it would have been nearly impossible to pick out.	ПРОПУЩЕНО

"Here, now," said one of the men looking through Vasher's duffel. "What's <i>this</i> ?"	— Эй! — подал голос стражник, рывшийся в котомке Вашера. — А это что?
Vasher had always found it interesting that the men who watched dungeons tended to be as bad as, or worse than, the men they guarded.	Вашер всегда находил занятным, что люди, ведающие тюрьмами, обычно ничем не лучше тех, кого они караулят.
Perhaps that was deliberate.	Возможно, так и было задумано.
Society didn't seem to care if such men were outside the cells or in them, so long as they were kept away from more honest men.	Общество, похоже, не заботило, где именно пребывают такого рода субъекты — вне камер или внутри оных; главное — подальше от более честных людей.
Assuming that such a thing existed.	Если таковые существуют.
From Vasher's bag, a guard pulled free a long object wrapped in white linen.	Стражник извлек из котомки продолговатый предмет, закутанный в белое полотно.
The man whistled as he unwrapped the cloth, revealing a long, thin-bladed sword in a silver sheath. The hilt was pure black.	Развернул и присвистнул при виде длинного узкого меча в серебряных ножнах. С рукоятью черной как ночь.
"Who do you suppose he stole <i>this</i> from?"	ПРОПУЩЕНО
The lead guard eyed Vasher, likely wondering if Vasher was some kind of nobleman.	Старший всмотрелся в Вашера, прикидывая, не из благородных ли этот тип.
Though Hallandren had no aristocracy, many neighboring kingdoms had their lords and ladies.	Хотя в Халландрене аристократии не водилось, во многих соседних королевствах имелись и лорды, и леди.
Yet what lord would wear a drab brown cloak, ripped in several places?	Но разве лорд облачится в бурый дырявый плащ?
What lord would sport bruises from a bar fight, a half-grown beard, and boots worn from years of walking?	Разве лорд будет расхаживать небритым, в сапогах, истоптанных за многие годы пешей ходьбы, да с синяками, которых нахватался в пьяной драке?
The guard turned away, apparently convinced that Vasher was no lord.	Стражник отвернулся в уверенности, что Вашер не аристократ.
He was right.	Он был прав.
And he was wrong.	И в то же время ошибся.
"Let me see that," the lead guard said, taking the sword.	— Дай-ка взглянуть, — потребовал старший и взял меч.
He grunted, obviously surprised by its weight.	Он крикнул, откровенно удивленный весом оружия.
He turned it about, noting the clasp that tied sheath to hilt, keeping the blade from being drawn.	Повернул и заметил застежку, которая крепила ножны к рукояти, не позволяя извлечь клинок.
He undid the clasp.	Он расстегнул ее.
The colors in the room deepened.	Краски стали насыщеннее.
They didn't grow brighter—not the way the guard's vest had when he approached Vasher.	Не ярче — не такими, как жилет стражника, когда тот приблизился к Вашеру.
Instead, they grew <i>stronger</i> .	Они сделались гуще.
Darker.	Темнее.
Reds became maroon.	Красное обернулось бордовым.
Yellows hardened to gold.	Желтое уплотнилось до золота.
Blues approached navy.	Голубое приобрело цвет морской волны.
"Be careful, friend," Vasher said softly, "that sword can be dangerous."	— Осторожно, приятель, — кротко предупредил Вашер. — Этот меч бывает опасен.
The guard looked up.	Стражник поднял глаза.
All was still.	Все было спокойно.
Then the guard snorted and walked away from Vasher's cell, still carrying the sword.	Тогда он фыркнул и двинулся прочь от камеры Вашера, не выпуская меча.

The other two followed, bearing Vasher's duffel, entering the guard room at the end of the hallway.	Остальные двое понесли следом суму Вашера и дошли до караульного помещения в конце коридора.
The door thumped shut.	Хлопнула дверь.
Vasher immediately knelt beside the patch of straw, selecting a handful of sturdy lengths.	Вашер тотчас встал на колени перед кучей соломы, набрал пучок покрепче.
He pulled threads from his cloak—it was beginning to fray at the bottom—and tied the straw into the shape of a small person, perhaps three inches high, with bushy arms and legs.	Надергал ниток из плаща — подол уж истрепался — и сплел человечка дюйма три ростом, с лохматыми ручками и ножками.
He plucked a hair from one of his eyebrows, set it against the straw figure's head, then reached into his boot and pulled out a brilliant red scarf.	Выдрал из брови волосок, он приложил его к голове куклы и вытянул из сапога алый шейный платок.
Then Vasher Breathed.	Затем Вашер дохнул .
It flowed out of him, puffing into the air, translucent yet radiant, like the color of oil on water in the sun.	Нечто выплыло из него, пыхнуло в воздух — прозрачное, но блестящее, как маслянистые разводы на воде в лучах солнца.
Vasher felt it leave: BioChromatic Breath, scholars called it.	Вашер почувствовал, как он исторгся — биохроматический дох, по выражению ученых.
Most people just called it Breath. Each person had one.	Большинство называло его просто дохом.
Or, at least, that was how it usually went.	По крайней мере, так бывало обычно.
One person, one Breath.	Один человек — один дох.
Vasher had around fifty Breaths, just enough to reach the First Heightening.	У Вашера было около пятидесяти дохов — только для первого повышения.
Having so few made him feel poor compared with what he'd once held, but many would consider fifty Breaths to be a great treasure.	Обладая столь малым и помня, чем владел когда-то, он ощутил себя нищим, но многие сочли бы пятьдесят дохов несметным богатством.
Unfortunately, even Awakening a small figure made from organic material—using a piece of his own body as a focus—drained away some half of his Breaths.	Увы, но даже пробуждение фигурки из органического материала с фокусировкой волоском — частичкой себя — отняло добрую половину его дохов.
The little straw figure jerked, sucking in the Breath.	Соломенное чучелко дрогнуло, впитывая дох.
In Vasher's hand, half of the brilliant red scarf faded to grey.	Алый платок в руке Вашера наполовину стал серым.
Vasher leaned down—imagining what he wanted the figure to do—and completed the final step of the process as he gave the Command.	Вашер нагнулся, воображая желаемые действия фигурки, и завершил первый этап процесса, отдав команду.
"Fetch keys," he said.	— Забери ключи, — велел он.
The straw figure stood and raised its single eyebrow toward Vasher.	Соломенное чучелко встало и вскинуло на Вашера единственную бровь.
Vasher pointed toward the guard room.	Вашер указал на караульное помещение.
From it, he heard sudden shouts of surprise.	Оттуда донеслись удивленные возгласы.
<i>Not much time</i> , he thought.	«Времени в обрез», — подумал он.
The straw person ran along the floor, then jumped up, vaulting between the bars.	Соломенный малютка пробежал по полу, подпрыгнул, протиснулся меж прутьев.
Vasher pulled off his cloak and set it on the floor.	Вашер снял плащ и расстелил на полу.
It was the perfect shape of a person—marked with rips that matched the scars on Vasher's body, its hood cut with holes to match Vasher's eyes.	Получились идеальные очертания человеческой фигуры: прорехи соответствовали шрамам на теле Вашера, проделанные в капюшоне дыры — его глазам.
The closer an object was to human shape and form, the fewer Breaths it took to Awaken.	Чем больше предмет напоминал человека, тем меньше дохов расходовалось на пробуждение.
Vasher leaned down, trying not to think of the days when he'd had enough	Вашер склонился, стараясь не думать о временах, когда ему хватало дохов,

Breaths to Awaken without regard for shape or focus.	чтобы пробуждать, не заботясь о форме и фокусе.
That had been a different time.	Сейчас положение изменилось.
Wincing, he pulled a tuft of hair from his head, then sprinkled it across the hood of the cloak.	Морщась, он выдернул клочок волос и рассыпал по капюшону.
Once again, he Breathed.	Еще одиндох.
It took the rest of his Breath.	На этом дохи кончились.
With it gone—the cloak trembling, the scarf losing the rest of its color—Vasher felt . . . dimmer.	Без них — плащ дрожит, платок вконец обесцвечивается — Вашер почувствовал себя... более тусклым.
Losing one's Breath was not fatal.	Потеря доха несмертельна.
Indeed, the extra Breaths Vasher used had once belonged to other people. Vasher didn't know who they were; he hadn't gathered these Breaths himself. They had been given to him.	Сказать по правде, те лишние дохи, которыми воспользовался Вашер, когда-то принадлежали другим людям. Они их ему отдали.
But, of course, that was the way it was always supposed to work.	Но иначе, конечно, и быть не могло.
One could not take Breath by force.	Дох нельзя забрать силой.
Being void of Breath <i>did</i> change him.	Отсутствие доха изменило его всерьез.
Colors didn't seem as bright.	Краски померкли.
He couldn't <i>feel</i> the bustling people moving about in the city above, a connection he normally took for granted.	Он не чувствовал людской суеты в раскинувшемся над темницей городе — лишился связи, которую всегда считал неизменной и неотъемлемой.
It was the awareness all men had for others—that thing which whispered a warning, in the drowsiness of sleep, when someone entered the room. In Vasher, that sense had been magnified fifty times.	Обычно интуитивная настороженность по отношению к окружающим — та, что предупреждает шепотом в полусне, когда в комнату кто-то входит, — была у Вашера в пятьдесят раз острее, чем у большинства.
And now it was gone.	А теперь она сгинула.
Sucked into the cloak and the straw person, giving them power.	Всосавшись в плащ и соломенное чучелко, наделила их силой.
The cloak jerked.	Плащ пошевелился.
Vasher leaned down.	Вашер нагнулся.
"Protect me," he Commanded, and the cloak grew still.	— Защищай меня, — скомандовал он, и плащ замер.
He stood, throwing it back on.	Вашер выпрямился и надел его снова.
The straw figure returned to his window. It carried a large ring of keys.	Соломенная фигурка вернулась к окну и приволокла большое кольцо с ключами.
The figure's straw feet were stained red.	Ножки чучелка испачкались в крови.
The crimson blood seemed so dull to Vasher now.	И алая кровь сейчас казалась Вашеру невыносимо блеклой.
He took the keys.	Он взял ключи.
"Thank you," he said.	— Спасибо, — сказал.
He always thanked them.	Он всегда их благодарил.
He didn't know why, particularly considering what he did next. "Your Breath to mine," he commanded, touching the straw person's chest.	Зачем и почему — неизвестно, особенно с учетом дальнейшего. — Твойдох — ко мне, — скомандовал он, дотронувшись до груди соломенного человечка.
The straw person immediately fell backward off the door—life draining from it—and Vasher got his Breath back.	Тот мигом опрокинулся за дверь, лишившись жизни, а Вашер вернул свойдох.
The familiar sense of awareness returned, the knowledge of connectedness, of <i>fitting</i> .	Привычное чувство бдительности восстановилось — осознание сопричастности, встроенности.
He could only take the Breath back because he'd Awakened this creature	Забрать же дох назад он смог лишь потому, что сам пробудил это создание

himself—indeed, Awakenings of this sort were rarely permanent.	— вообще, такого рода пробуждения редко бывали стойкими .
He used his Breath like a reserve, doling it out, then recovering it.	Он использовал свой дох как резерв — сперва поделился, потом вернул.
Compared with what he had once held, twenty-five Breaths was a laughably small number.	По сравнению с прежним достоянием двадцати пяти дохов было смехотворно мало.
However, compared with nothing, it seemed infinite.	Но по сравнению с ничем — бесконечно много.
He shivered in satisfaction.	Он удовлетворенно поежился.
The yells from the guard room died out.	Вопли, доносившиеся из караульного помещения, оборвались.
The dungeon fell still.	В темнице воцарилась тишина.
He had to keep moving.	Нельзя стоять столбом.
Vasher reached through the bars, using the keys to unlock his cell.	Просунув руку за прутья, Вашер отпер ключами камеру.
He pushed the thick door open, rushing out into the hallway, leaving the straw figure discarded on the ground.	Он распахнул толстую дверь и выскочил в коридор, оставив чучелко валяться на полу.
He didn't walk to the guard room—and the exit beyond it—but instead turned south, penetrating deeper into the dungeon.	В караулку не пошел и к выходу, который за ней находился, — тоже; взамен он повернул на юг и начал углубляться в тюрьму.
This was the most uncertain part of his plan.	Это была самая ненадежная часть плана.
Finding a tavern that was frequented by priests of the Iridescent Tones had been easy enough.	Найти таверну, завсегдатаями которой слыли жрецы Радужных тонов, было достаточно просто.
Getting into a bar fight—then striking one of those same priests—had been equally simple.	Ввязаться в драку и врезать такому святоше — не труднее.
Hallandren took their religious figures very seriously, and Vasher had earned himself not the usual imprisonment in a local jail, but a trip to the God King's dungeons.	В Халландрене крайне серьезно относились к духовенству, и Вашер заработал не обычное заточение в местную кутузку, а путешествие в темницы Бога-короля.
Knowing the kind of men who tended to guard such dungeons, he'd had a pretty good idea that they would try to draw Nightblood. That had given him the diversion he'd needed to get the keys.	Зная нравы тамошних тюремщиков, он очень ловко смекнул , что они попытаются извлечь Ночного Хищника и отвлекутся, а он тем временем добудет ключи.
But now came the unpredictable part.	Но дальше предстояло непредсказуемое.
Vasher stopped, Awakened cloak rustling.	Вашер остановился, пробужденный плащ колыхался.
It was easy to locate the cell he wanted, for around it a large patch of stone had been drained of color, leaving both walls and doors a dull grey.	Опознать нужную камеру оказалось легко, благо ее солидно окружили обесцвеченным камнем — тускло-серыми были и стены, и двери.
It was a place to imprison an Awakener, for no color meant no Awakening.	В таких-то местах пробуждающих и держали, ибо нет цвета — нет пробуждения.
Vasher stepped up to the door, looking through the bars.	Вашер подошел к двери, глянул сквозь прутья.
A man hung by his arms from the ceiling, naked and chained.	Голой, в цепях, под потолком висел человек.
His color was vibrant to Vasher's eyes, his skin a pure tan, his bruises brilliant splashes of blue and violet.	Для зрения Вашера он был окрашен ярко: кожа — чистый коричневый цвет, следы побоев — синие и фиолетовые пятна.
The man was gagged.	Узнику вставили кляп.
Another precaution.	Еще одна мера предосторожности.
In order to Awaken, the man would need three things: Breath, color, and a Command.	Нужны три вещи , чтобы пробуждать: дох, цвет и команда.
The harmonics and the hues, some called it.	Иные называли их обертонами и оттенками.
The Iridescent Tones, the relationship between color and sound.	Радужные тона, взаимосвязь цвета и звука.
A Command had to be spoken clearly and firmly in the Awakener's native	Команду полагалось произнести ясно и четко на родном языке

language—any stuttering, any mispronunciation, would invalidate the Awakening.	пробуждающего. Малейшее заикание, ничтожный сбой в произношении — и пробуждению не бывать.
The Breath would be drawn out, but the object would be unable to act.	Дох исторгнется, но объект не сможет действовать.
Vasher used the prison keys to unlock the cell door, then stepped inside.	Вашер отпер дверь украденными ключами и вошел в камеру.
This man’s aura made colors grow brighter by sharp measure when they got close to him.	Когда он приблизился, аура узника резко подчеркнула окружающие цвета.
Anyone would be able to notice an aura that strong, though it was much easier for someone who had reached the First Heightening.	Столь мощную ауру заметил бы любой, хотя достигшему первого повышения такое далось намного легче.
It wasn’t the strongest BioChromatic aura Vasher had ever seen—those belonged to the Returned, known as gods here in Hallandren.	Это была не самая сильная биохроматическая аура на памяти Вашера — те, другие, принадлежали возвращенным, считавшимся здесь, в Халландрене, богами.
Still, the prisoner’s BioChroma was very impressive and much, much stronger than Vasher’s own.	И все-таки биохрома узника производила сильное впечатление и была гораздо мощнее, чем у самого Вашера.
The prisoner held a lot of Breaths.	В узнике заключалось много дохов.
Hundreds upon hundreds of them.	Сотни сотен.
The man swung in his bonds, studying Vasher, gagged lips bleeding from lack of water.	Человек качнулся в оковах, изучая Вашера. Запечатанные губы кровоточили от обезвоживания.
Vasher hesitated only briefly, then reached up and pulled the gag free.	Помедлив секунду, Вашер выдернул кляп.
“You,” the prisoner whispered, coughing slightly.	— Ты, — прошептал узник и глухо закашлялся.
“Are you here to free me?”	— Ты пришел меня освободить?
“No, Vahr,” Vasher said quietly. “I’m here to kill you.”	— Нет, Вахр , — тихо ответил Вашер. — Я пришел тебя убить.
Vahr snorted.	Вахр всхрапнул.
Captivity hadn’t been easy on him.	Заточение стало для него суровым испытанием.
When Vasher had last seen Vahr, he’d been plump.	При их последней с Вашером встрече он был дороден.
Judging by his emaciated body, he’d been without food for some time now.	Судя по истощенному телу, его уже какое-то время не кормили.
The cuts, bruises, and burn marks on his flesh were fresh.	Порезы, кровоподтеки и ожоги были свежими.
Both the torture and the haunted look in Vahr’s bag-rimmed eyes bespoke a solemn truth.	Пытки и затравленный взгляд Вахра, под глазами которого набрякли темные мешки, выдали горькую правду.
Breath could only be transferred by willing, intentional Command.	Дох можно было передать лишь добровольной, целенаправленной командой.
That Command could, however, be encouraged.	Но к ней можно подстегнуть.
“So,” Vahr croaked, “you judge me, just like everyone else.”	— Значит, — прокаркал Вахр, — ты осуждаешь меня, как все.
“Your failed rebellion is not my concern.	— Твой неудачный мятеж меня не касается.
I just want your Breath.”	Мне нужен только твой дох.
“You and the entire Hallandren court.”	— Тебе и всему халландренскому двору.
“Yes.	— Да.
But you’re not going to give it to one of the Returned.	Но ты не собираешься отдавать его возвращенным.
You’re going to give it to me. In exchange for killing you.”	Ты расплатишься им со мной за твое убийство.
“Doesn’t seem like much of a trade.” There was a hardness—a void of emotion—in Vahr that Vasher had not seen the last time they had parted, years before.	— Та еще сделка. — Голос как бы опреснился — утечка эмоций: то, чего Вашер не заметил , когда годами раньше простился с Вахром.
<i>Odd, Vasher thought, that I should finally, after all of this time, find something in the man that I can identify with.</i>	«Странно, — подумал Вашер, — что в самом конце я все-таки нахожу в нас нечто общее».

Vasher kept a wary distance from Vahr.	Вашер держался в безопасном удалении от Вахра.
Now that the man's voice was free, he could Command.	Теперь, обретши голос, тот мог отдать команду.
However, he was touching nothing except for the metal chains, and metal was very difficult to Awaken.	Но он не соприкасался ни с чем, кроме железных цепей, а пробудить металл очень трудно.
It had never been alive, and it was far from the form of a man.	Тот никогда не оживал и был далек от человеческих очертаний .
Even during the height of his power, Vasher himself had only managed to Awaken metal on a few, select occasions.	Лично Вашеру даже при полной силе удавалось лишь считанные разы пробудить металл.
Of course, some extremely powerful Awakeners could bring objects to life that they weren't touching, but that were in the sound of their voice .	Конечно, некоторые сильнейшие пробуждающие умели оживлять предметы на расстоянии.
That, however, required the Ninth Heightening.	Но это требовало девятого повышения.
Even Vahr didn't have <i>that</i> much Breath.	Такой уймы дохов не было даже у Вахра.
In fact, Vasher knew of only one living person who did: the God King himself.	По сути, Вашер знал лишь одного такого: Бога-короля.
That meant Vasher was probably safe.	Поэтому Вашеру, пожалуй, ничто не грозило.
Vahr contained a great wealth of Breath, but had nothing to Awaken.	Вахр был богат дохами , но пробуждать ему было нечего.
Vasher walked around the chained man, finding it very difficult to offer any sympathy.	Вашер обошел закованного в цепи, затрудняясь выразить хоть какое-то сочувствие.
Vahr had earned his fate.	Вахр получил по заслугам.
Yet the priests would not let him die while he held so much Breath; if he died, it would be wasted.	Однако жрецы не дадут ему умереть с таким солидным запасом дохов: умрет — и дохов не станет.
Gone.	Они исчезнут.
Irretrievable.	Необратимо и навсегда.
Not even the government of Hallandren—which had such strict laws about the buying and passing of Breath—could let such a treasure slip away.	Упустить такое сокровище не позволяло себе даже правительство Халландрена с его крайне строгими законами о покупке и передаче дохов.
They wanted it badly enough to forestall the execution of even a high-profile criminal like Vahr.	Оно жаждало их до того алчно, что воздерживалось от казни опасного преступника.
In retrospect, they would curse themselves for not leaving him better guarded.	Потом оно проклянет себя за столь убогую охрану Вахра.
But, then, Vasher had been waiting two years for an opportunity like this one.	Но и Вашер, в конце концов, два года ждал подходящей возможности.
"Well?" Vahr asked.	— Итак? — спросил Вахр.
"Give me the Breath, Vahr," Vasher said, stepping forward.	— Отдай мне дох, Вахр, — шагнул вперед Вашер.
Vahr snorted.	Тот фыркнул.
"I doubt you have the skill of the God King's torturers, Vasher—and I've withstood them for two weeks now."	— Сомневаюсь, что ты искуснее палачей Бога-короля, а я продержался против них уже две недели.
"You'd be surprised.	— Ты бы удивился.
But that doesn't matter.	Но это не важно.
You <i>are</i> going to give me your Breath.	Ты всяко отдашь мне дох.
You know you have only two choices. Give it to me, or give it to them."	Ты знаешь, что у тебя только два пути: передать его либо мне, либо им.
Vahr hung by his wrists , rotating slowly.	Вахр, подвешенный за кости , медленно вращался.
Silent.	Молча.
"You don't have much time to consider," Vasher said. "Any moment now, someone is going to discover the dead guards outside.	— У тебя маловато времени на размышления, — заметил Вашер. — Мертвых стражников могут обнаружить в любую секунду.
The alarm will be raised.	Объявят тревогу.

I'll leave you, you <i>will</i> be tortured again, and you <i>will</i> eventually break.	Я уйду, а тебя обязательно продолжат пытаться, и ты точно сломаешься.
Then all the power you've gathered will go to the very people you vowed to destroy."	Затем вся мощь, которую ты накопил, достанется тем самым людям, кого ты призывал уничтожить.
Vahr stared at the floor.	Вахр уставился в пол.
Vasher let him hang for a few moments, and could see that the reality of the situation was clear to him.	Вашер дал ему еще чуток повисеть — пусть до него дойдет суровая действительность.
Finally, Vahr looked up at Vasher.	Наконец Вахр поднял взгляд на Вашера.
"That . . . thing you bear.	— Та... вещь, с которой ты ходишь.
"It's here, in the city?"	Она здесь, в городе?
Vasher nodded.	Вашер кивнул.
"The screams I heard earlier?	— Я слышал крики.
It caused them?"	Это из-за нее?
Vasher nodded again.	Снова кивок.
"How long will you be in T'Telir?"	— Как долго ты пробудешь в Т'Телире?
"For a time.	— Какое-то время.
A year, perhaps."	Может быть, год.
"Will you use <i>it</i> against them?"	— Ты используешь дох против них?
"My goals are my own to know, Vahr.	— Чем я займусь — мое дело, Вахр.
Will you take my deal or not?	Ты соглашаешься или нет?
Quick death in exchange for those Breaths.	Быстрая смерть в обмен на дохи.
I promise you this.	Это я тебе обещаю.
Your enemies will <i>not</i> have them."	Твоим врагам они не достанутся.
Vahr grew quiet.	Вахр замолчал.
"It's yours," he finally whispered.	— Забирай, — прошептал он в итоге.
Vasher reached over, resting his hand on Vahr's forehead—careful not to let any part of his clothing touch the man's skin, lest Vahr draw forth color for Awakening.	Вашер возложил на чело Вахра ладонь, стараясь не коснуться узника одеждой, дабы Вахр не приобрел для пробуждения цвет .
Vahr didn't move.	Вахр не шелохнулся.
He looked numb.	Он словно оцепенел.
Then, just as Vasher began to worry that the prisoner had changed his mind, Vahr Breathed.	Затем, когда Вашер уже заволновался, не передумал ли узник, Вахрдохнул.
The color drained from him.	Краски хлынули из него.
The beautiful Iridescence, the aura that had made him look majestic despite his wounds and chains.	Прекрасная Радуга — аура, которая сохраняла его величие вопреки оковам и ранам.
It flowed from his mouth, hanging in the air, shimmering like mist.	Она вытекла изо рта и мерцающим туманом повисла в воздухе.
Vasher drew it in, closing his eyes.	Вашер закрыл глаза и вобрал ее.
"My life to yours," Vahr Commanded, a hint of despair in his voice. "My Breath become yours."	— Моя жизнь — к твоей, — скомандовал Вахр с ноткой отчаяния. — Мой дох — стань твоим.
The Breath flooded into Vasher, and everything became vibrant.	Дох перетек в Вашера, и все вокруг ожило.
His brown cloak now seemed deep and rich in color.	Бурый цвет плаща насытился, сделался гуще.
The blood on the floor was intensely red, as if aflame.	Кровь на полу предстала ослепительно-красной, как пламень.

Even Vahr’s skin seemed a masterpiece of color, the surface marked by deep black hairs, blue bruises, and sharp red cuts.	Даже кожа Вахра выглядела шедевром живописи: густо-черные волосы, ультрамариновые синяки и ярко-алые порезы.
It had been years since Vasher had felt such . . . <i>life</i> .	Вашер уже много лет не ощущал такой... жизни .
He gasped, falling to his knees as it overwhelmed him, and he had to drop a hand to the stone floor to keep himself from toppling over. <i>How did I live without this?</i>	Его захлестнуло, и он задохнулся, валясь на колени; ему пришлось выставить руку и опереться в каменный пол, чтобы не опрокинуться. «Как же я жил без этого?»
He knew that his senses hadn’t actually improved , yet he felt so much more alert .	Он понимал, что на самом деле его чувства несовершенны , но стал таким зорким!
More aware of the beauty of sensation.	Более восприимчивым к красоте ощущения.
When he touched the stone floor, he marveled at its roughness.	Камень восхитил его своей грубостью.
And the sound of wind passing through the thin dungeon window up above.	А шум ветра за узким тюремным оконцем?
Had it always been that melodic?	Неужто он всегда был таким мелодичным?
How could he not have noticed?	Как он не замечал?
“Keep your part of the bargain,” Vahr said.	— Покончи со своей частью сделки, — потребовал Вахр.
Vasher noted the tones in his voice, the beauty of each one, how close they were to harmonics.	Вашер оценил тональность его голоса, красоту каждой нотки, их близость к гармонии .
Vasher had gained perfect pitch.	Вашер обрел идеальный слух.
A gift for anyone who reached the Second Heightening.	Дар каждому, кто достиг второго повышения.
It would be good to have that again.	Недурно обзавестись этим заново.
Vasher could, of course, have up to the Fifth Heightening at any time, if he wished.	Конечно, Вашер мог при желании в любую минуту достичь пятого повышения.
That would require certain sacrifices he wasn’t willing to make.	Пришлось бы принести определенные жертвы, а этого он не хотел.
And so he forced himself to do it the old-fashioned way, by gathering Breaths from people like Vahr.	И потому он заставлял себя действовать по старинке, собирая дохи людей вроде Вахра.
Vasher stood, then pulled out the colorless scarf he had used earlier.	Вашер выпрямился, извлек использованный ранее бесцветный платок.
He tossed it over Vahr’s shoulder, then Breathed.	Набросил его на плечо Вахру, затем дохнул.
He didn’t bother making the scarf have human shape, didn’t need to use a bit of his hair or skin for a focus—though he did have to draw the color from his shirt.	Он не потрудился придать платку человеческие очертания и не настроил фокус ни волоском, ни кожей, — правда, ему пришлось извлечь из сорочки цвет.
Vasher met Vahr’s resigned eyes.	Вашер посмотрел в безнадежные глаза Вахра.
“Strangle things,” Vasher Commanded, fingers touching the quivering scarf.	— Души вещи , — скомандовал Вашер, коснувшись пальцами трепещущего платка.
It twisted immediately, pulling away a large—yet now inconsequential —amount of Breath.	Тот немедленно дернулся, высосав большое — ныне, впрочем, несообразное — количество доха .
The scarf quickly wrapped around Vahr’s neck, tightening, choking him.	Платок проворно обвился вокруг шеи Вахра и начал затягиваться, душая его.
Vahr didn’t struggle or gasp , he simply watched Vasher with hatred until his eyes bulged and he died.	Вахр не сопротивлялся и не пытался вздохнуть , только с ненавистью смотрел на Вашера, пока не выпучил глаза и не умер.
Hatred.	Ненависть.
Vasher had known enough of that in his time.	В свое время Вашер наелся ею досыта.
He quietly reached up and recovered his Breath from the scarf, then left Vahr dangling in his cell.	Он быстро вернул из платка дох и оставил Вахра качаться под потолком.

Vasher passed quietly though the prison, marveling at the color of the woods and the stones.	Вашер тихо прошел по тюрьме, дивясь цветам дерева и камня.
After a few moments of walking, he noticed a new color in the hallway.	Пройдя немного, он заметил в коридоре новый цвет.
Red.	Красный.
He stepped around the pool of blood—which was seeping down the inclined dungeon floor—and moved into the guard room.	Он обогнул лужу крови, которая натекла сквозь наклонный пол , и вошел в караульное помещение.
The three guards lay dead.	Трое стражников были мертвы.
One of them sat in a chair.	Один сидел на стуле.
Nightblood, still mostly sheathed, had been rammed through the man's chest.	Ночной Хищник, большей частью остававшийся в ножнах, пронзил ему грудь.
About an inch of a dark black blade was visible beneath the silver sheath.	За серебряными ножнами примерно на дюйм виднелся черный клинок.
Vasher carefully slid the weapon fully back into its sheath.	Вашер аккуратно дослал оружие в ножны.
He did up the clasp.	Застегнул застёжку.
<i>I did very well today</i> , a voice said in his mind.	«Я сегодня молодец», — произнес в голове голос.
Vasher didn't respond to the sword.	Вашер не ответил мечу.
<i>I killed them all</i> , Nightblood continued. <i>Aren't you proud of me?</i>	«Я всех убил, — продолжил Ночной Хищник. — Ты мной гордишься?»
Vasher picked up the weapon, accustomed to its unusual weight, and carried it in one hand.	Вашер поднял оружие, привык к его необычному весу и оставил в одной руке.
He recovered his duffel and slung it over his shoulder.	Забрал и повесил на плечо свою суму .
<i>I knew you'd be impressed</i> , Nightblood said, sounding satisfied.	«Я знал, что ты впечатлишься», — удовлетворенно сказал Ночной Хищник.
1	Глава 1
There were great advantages to being unimportant.	Быть незначительной крайне выгодно.
True, by many people's standards, Siri wasn't "unimportant."	Вообще говоря, по меркам многих, Сири сложно назвать незначительной.
She was, after all, the daughter of a king.	Все-таки королевская дочь.
Fortunately, her father had four living children, and Siri—at seventeen years of age—was the youngest.	К счастью, детей у отца было четверо, а семнадцатилетняя Сири — младшая.
Fafen, the daughter just older than Siri, had done the family duty and become a monk.	Фафен, третья по старшинству, исполнила семейный долг и стала монахиней.
Above Fafen was Ridger, the eldest son. He would inherit the throne.	Выше Фафен стоял Риджер, старший сын и наследник престола.
And then there was Vivenna.	И оставалась Вивенна.
Siri sighed as she walked down the path back to the city.	Спускаясь по дорожке обратно к городу, Сири вздохнула.
Vivenna, the firstborn, was . . . well . . .	Вивенна, первенца , была... Вивенной.
Vivenna.	Тут и добавить нечего.
Beautiful, poised, perfect in most every way.	Царственная красавица, совершенство во всех отношениях.
It was a good thing, too, considering the fact that she was betrothed to a god. Either way, Siri—as fourth child—was redundant.	Обрученная с богом... Так или иначе, а Сири, как четвертый ребенок, оказалась не у дел.
Vivenna and Ridger had to focus on their studies; Fafen had to do her work in the pastures and homes. Siri, however, could get away with being unimportant. That meant she could disappear into the wilderness for hours at a time.	Вивенне и Риджеру пришлось сосредоточиться на учебе, Фафен занималась своей работой на пажитях и в домах, но Сири, будучи малозначимой, могла от всего отвертеться и часами пропадать невесть где.
People would notice, of course, and she would get into trouble.	Конечно, это замечали, и да, она попадала в переделки.
Yet even her father would have to admit that her disappearance hadn't caused	Но даже отцу приходилось признать, что ее исчезновения не причиняли

much inconvenience.	больших неудобств.
The city got along just fine without Siri—in fact, it tended to do a little better when she wasn't around.	Город прекрасно обходился без Сири, — сказать по совести, без нее было даже чуть лучше.
Unimportance.	Маловажность.
To another, it might have been offensive. To Siri it was a blessing.	Для кого-то она огорчительна, но для Сири стала благословением.
She smiled, walking into the city proper. She drew the inevitable stares.	Она улыбалась, вступая собственно в город , и неизбежно притягивала взгляды.
While Bevalis was technically the capital of Idris, it wasn't that big, and everyone knew her by sight.	Хотя Бевалис официально являлся столицей Идриса, он не был настолько велик, чтобы все его жители не знали Сири в лицо.
Judging by the stories Siri had heard from passing ramblemen, her home was hardly even a village compared with the massive metropolises in other nations.	Судя по речам прохожих шатунов , ее город недотягивал и до села по сравнению с огромными метрополисами других государств.
She liked it the way it was, even with the muddy streets, the thatched cottages, and the boring—yet sturdy—stone walls.	А ей он нравился даже с грязными улицами, соломенными хижинами и унылыми, но прочными каменными стенами.
Women chasing runaway geese, men pulling donkeys laden with spring seed, and children leading sheep on their way to pasture.	Женщины, бегающие за гусями, мужчины, погоняющие ослов с весенней рассадой , и дети, ведущие овец на пастбище.
A grand city in Xaka, Hudres, or even terrible Hallandren might have exotic sights, but it would be crowded with faceless, shouting, jostling crowds, and haughty noblemen.	В больших городах — Ксаке, Гудресе, а то и в ужасном Халландрене — встречались экзотические пейзажи, зато их наполняли безликие, горластые, напористые толпы и спесивая знать.
Not Siri's preference; she generally found even Bevalis to be a bit busy for her. <i>Still</i> , she thought, looking down at her utilitarian grey dress, <i>I'll bet those cities have more colors.</i>	Сири такое было не по душе, ей даже Бевалис казался слишком шумным. «И все-таки, — подумала она, взглянув на свое простецкое серое платье, — цветов там больше, в тех городах.
<i>That's something I might like to see.</i>	Бьюсь об заклад. Вот бы их увидеть».
Her hair wouldn't stand out so much there.	Шевелюрой ей больше не выделиться.
As usual, the long locks had gone blond with joy while she'd been out in the fields.	В полях, где Сири неизменно охватывала радость, длинные локоны, как всегда, посветлели и превратили ее в блондинку.
She concentrated, trying to rein them in, but she was only able to bring the color to a dull brown.	Она сосредоточилась, пытаясь их укротить, но сумела довести цвет лишь до тускло-каштанового.
As soon as she stopped focusing, her hair just went back to the way it had been.	Стоило ей отвлечься — и вот они уже прежние, какими были всегда.
She'd never been very good at controlling it.	У нее плохо получалось управлять ими.
Not like Vivenna.	То ли дело Вивенна.
As she continued through the town, a group of small figures began trailing her.	В городе за ней увязалась орава малышей.
She smiled, pretending to ignore the children until one of them was brave enough to run forward and tug on her dress.	Сири улыбалась, притворяясь, будто не обращает внимания на детей, пока один не осмелел достаточно, чтобы забежать вперед и дернуть ее за платье.
Then she turned, smiling.	Тогда она с улыбкой повернулась.
They regarded her with solemn faces.	Они ответили суровыми взглядами.
Idris children were trained even at this age to avoid shameful outbursts of emotion.	Идрийских детей с малых лет приучали не позориться бурными эмоциями.
Austrin teachings said there was nothing wrong with feelings, but drawing attention to yourself with them was wrong.	Острийские догмы не усматривали в чувствах ничего дурного, однако привлекать к себе ими внимание не полагалось.
Siri had never been very devout.	Сири не отличалась особым благочестием.
It wasn't her fault, she reasoned, if Austre had made her with a distinct inability	Она рассуждала, что не ее вина, если Остр создал ее непокорной.

to obey.	
The children waited patiently until Siri reached into her apron and pulled out a couple of brightly colored flowers. The children's eyes opened wide, gazing at the vibrant colors.	Дети терпеливо дождались, когда Сири вынет из фартука несколько цветков, и широко распахнули глаза, таращась на буйные краски.
Three of the flowers were blue, one yellow.	Три цветка были синими, один — желтым.
The flowers stood out starkly against the town's determined drabness.	Цветы ярко выделялись на фоне подчеркнута серых городских улиц.
Other than what one could find in the skin and eyes of the people, there wasn't a drop of color in sight.	Ни капли краски — разве что на коже или в глазах.
Stones had been whitewashed, clothing bleached grey or tan.	Камни отмыли добела, одежду обесцветили до серой и бурой.
All to keep the color away.	Делалось все, чтобы не допустить красок.
For without color, there could be no Awakeners.	Ибо без цвета не будет и пробуждающих.
The girl who had tugged Siri's skirt finally took the flowers in one hand and dashed away with them, the other children following behind.	Девчушка, которая тянула Сири за подол, в конце концов зажала в ручонке цветы и бросилась прочь, а вся ватага устремилась за ней.
Siri caught a look of disapproval in the eyes of several passing villagers.	Сири перехватила неодобрительные взгляды прохожих.
None of them confronted her, though.	Правда, никто не сказал ей ни слова.
Being a princess—even an unimportant one—did have its perks.	Есть свои плюсы в том, чтобы быть принцессой, хоть и маловажной.
She continued on toward the palace. It was a low, single-story building with a large, packed-earth courtyard.	Она продолжила путь к дворцу — невысокому одноэтажному зданию с просторным, плотно утрамбованным земляным двором.
Siri avoided the crowds of haggling people at the front, rounding to the back and going in the kitchen entrance.	Избегая собравшихся во дворе крикливых толп, Сири обогнула дом и вошла через кухню.
Mab, the kitchen mistress, stopped singing as the door opened, then eyed Siri.	Как только дверь отворилась, Мэб, главная стряпуха, перестала петь и смерила взглядом Сири.
"Your father's been looking for you, child," Mab said, turning away and humming as she attacked a pile of onions.	— Отец тебя ищет, дитя, — сообщила Мэб, отвернувшись и, мыча под нос что-то невнятное, набросилась на грудку луковиц.
"I suspect that he has." Siri walked over and sniffed at a pot, which bore the calm scent of boiling potatoes.	— Подозреваю, что да. — Сири подошла к котлу, понюхала. Запах был мирный и пресный, картофельный.
"Went to the hills again, didn't you?"	— Снова бродила на холмах?
Skipped your tutorial sessions, I'll bet."	Готова поспорить, что прогуляла уроки.
Siri smiled, then pulled out another of the bright yellow flowers, spinning it between two fingers.	Сири с улыбкой извлекла еще один ярко-желтый цветок и повертела его в пальцах.
Mab rolled her eyes.	Мэб закатила глаза:
"And been corrupting the city youth again, I suspect.	— И снова, наверное, портила городскую молодежь.
Honestly, girl, you should be beyond these things at your age.	Честное слово, девочка, в твоём возрасте уже поздно забавляться такими вещами.
Your father will have words with you about shirking your responsibilities."	Отец тебе скажет пару ласковых слов за то, что отлыниваешь от обязанностей.
"I like words," Siri said. "And I always learn a few new ones when Father gets angry.	— Люблю слова, — сказала Сири. — А когда отец злится, всегда узнаю новые.
I shouldn't neglect my education, now should I?"	Я ведь не должна пренебрегать образованием?
Mab snorted, dicing some pickled cucumbers into the onions.	Мэб фыркнула, нарезаая соленые огурцы.
"Honestly, Mab," Siri said, twirling the flower, feeling her hair shade a little bit red. "I don't see what the problem is.	— Seriously, Мэб, — продолжила Сири, вертя цветок и чувствуя, как ее волосы чуть рыжеют. — Я не понимаю, в чем проблема.

Austre made the flowers, right?	Остр сотворил цветы, так?
He put the colors on them, so they can't be evil.	Он их раскрасил, значит они не могут быть злом.
I mean, we call him God of Colors, for heaven's sake."	Во имя всего святого, ведь мы зовем его богом красок.
"Flowers ain't evil," Mab said, adding something that looked like grass to her concoction, "assuming they're left where Austre put them. We shouldn't use Austre's beauty to make ourselves more important."	— Цветы не зло при условии, что остаются там, где Остр их посадил , — возразила Мэб, добавляя в стряпню пряную траву. — Нам нельзя возвеличиваться за счет красот Остра.
"A flower doesn't make me look more important."	— От цветка я важнее не становлюсь.
"Oh?" Mab asked, adding the grass, cucumber, and onions to one of her boiling pots.	— Да неужели? — спросила Мэб, ссыпая траву, огурцы и лук в кипящий котел.
She banged the side of the pot with the flat of her knife, listening, then nodded to herself and began fishing under the counter for more vegetables. "You tell me," she continued, voice muffled. "You really think walking through the city with a flower like that didn't draw attention to yourself?"	Она постучала по нему ножом, прислушалась, кивнула и полезла под стойку за новой порцией овощей. — Скажи кому другому, только не мне, — продолжила она оттуда, и голос ее зазвучал приглушенно . — Ты правда думаешь, что не притягиваешь к себе внимание, когда расхаживаешь по городу с цветком?
"That's only because the city is so drab. If there were a bit of color around, nobody would notice a flower."	— Это только потому, что город такой унылый. Будь вокруг хоть немного красок, цветка никто бы и не заметил.
Mab reappeared, hefting a box filled with various tubers.	Мэб выбралась из-под стойки с ящиком всевозможных клубней.
"You'd have us decorate the place like Hallandren?"	— Ты хочешь, чтобы здесь все разукрасили, как в Халландрене?
Maybe we should start inviting Awakeners into the city?	Может, начнем приглашать пробуждающих?
How'd you like that?	Как ты на это смотришь?
Some devil sucking the souls out of children, strangling people with their own clothing?	Когда какой-нибудь дьявол будет высасывать из детей души, душить людей их собственной одеждой?
Bringing men back from the grave, then using their dead bodies for cheap labor?	Поднимать из могил покойников и привлекать к дешевому труду?
Sacrificing women on their unholy altars?"	Приносить в жертву женщин на нечестивых алтарях?
Siri felt her hair whiten slightly with anxiety. <i>Stop that!</i> she thought.	Сири почувствовала, что от страха у нее чуть побелели волосы. «Прекратить!» — подумала она.
The hair seemed to have a mind of its own, responding to gut feelings.	Но волосы были себе на уме и отзывались на внутреннее состояние.
"That sacrificing-maidens part is only a story," Siri said. "They don't really do that."	— Про жертвенных дев — это пустая болтовня, — сказала Сири. — На самом деле там ничего подобного не бывает.
"Stories come from somewhere."	— Болтают не зря.
"Yes, they come from old women sitting by the hearth in the winter. I don't think we need to be so frightened."	— Да, старухи зимой у камина. По-моему, нам нечего бояться.
The Hallandren will do what they want, which is fine by me, as long as they leave us alone."	Пусть в Халландрене делают что хотят. Меня это устраивает, лишь бы нас не трогали.
Mab chopped tubers, not looking up.	Мэб шинковала клубни, не поднимая глаз.
"We've got the treaty, Mab," Siri said. "Father and Vivenna will make sure we're safe, and that will make the Hallandren leave us alone."	— Мэб, есть договор, — напомнила Сири. — Отец и Вивенна позаботятся о нашей безопасности, и Халландрен оставит нас в покое.
"And if they don't?"	— А если нет?
"They will."	— Оставит.
You don't need to worry."	Тебе нечего бояться.
"They have better armies," Mab said, chopping, not looking up, "better steel, more food, and those . . . those <i>things</i> ."	— У них и войска лучше, — заметила Мэб, не поднимая глаз и продолжая шинковать, — и сталь, и больше еды, и эти... вещи .

It makes people worry.	Вот народ и беспокоится.
Maybe not <i>you</i> , but sensible folk."	Ты, может быть, и нет, а люди разумные...
The cook's words were hard to dismiss out of hand.	Слова стряпухи было трудно пропустить мимо ушей.
Mab had a sense, a wisdom beyond her instinct for spices and broths. However, she <i>also</i> tended to fret.	Мудрость Мэб не ограничивалась приправами и супами, но и нервничала она часто попусту.
"You're worrying about nothing, Mab.	— Мэб, ты напрасно беспокоишься.
You'll see."	Вот увидишь.
"I'm just saying that this is a bad time for a royal princess to be running around with flowers, standin' out and inviting Austre's dislike."	— Я говорю одно: принцесса выбрала неудачное время, чтобы бегать с цветами, выделяться и гневить Остра.
Siri sighed.	Сири вздохнула.
"Fine, then," she said, tossing her last flower into the stew-pot. "Now we can all stand out together."	— Ладно, — сказала она, бросая последний цветок в сотейник , — теперь мы выделимся скопом.
Mab froze, then rolled her eyes, chopping a root.	Мэб замерла, затем закатила глаза, шинкуя корешок.
"I assume that was a vanavel flower?"	— Должно быть, это был ванавель?
"Of course," Siri said, sniffing at the steaming pot. "I know better than to ruin a good stew.	— Конечно. — ответила Сири, принохиваясь к пару. — Не буду же я портить хорошее блюдо.
And I still say you're overreacting."	И повторяю: ты паникуешь зря.
Mab sniffed.	Мэб шмыгнула носом.
"Here," she said, pulling out another knife. "Make yourself useful.	— На, — протянула она нож. — Займись-ка делом.
There's roots that need choppin'."	Надо нарубить корешков.
"Shouldn't I report to my father?" Siri said, grabbing a gnarled vanavel root and beginning to chop.	— А отцу не показываться? — спросила Сири, принимаясь за кривой корешок ванавеля.
"He'll just send you back here and make you work in the kitchens as a punishment," Mab said, banging the pot with her knife again.	— Он отошлет тебя сюда и в наказание заставит работать в кухнях , — ответила Мэб, снова стукнув ножом по котлу.
She firmly believed that she could judge when a dish was done by the way the pot rang.	Она твердо верила, что звук говорит о готовности блюда.
"Austre help me if Father ever discovers I like it down here."	— Да поможет мне Остр, если отец прознает, что мне здесь нравится.
"You just like being close to the food," Mab said, fishing Siri's flower out of the stew then tossing it aside. "Either way, you can't report to him.	— Ты просто любишь быть поближе к еде, — сказала Мэб, выуживая и выбрасывая цветок Сири. — Тебе все равно к нему нельзя.
He's in conference with Yarda."	Он совещается с Ярдой.
Siri gave no reaction—she simply continued to chop. Her hair, however, grew blond with excitement.	Сири ничего не ответила, молча продолжила резать, однако ее волосы побелели от волнения.
<i>Father's conferences with Yarda usually last hours, she thought. Not much point in simply sitting around, waiting for him to get done. . . .</i>	«Отцовские совещания с Ярдой обычно затягиваются на часы, — подумала она. — Зачем торчать тут без дела и ждать, когда он освободится...»
Mab turned to get something off the table, and by the time she looked back, Siri had bolted out the door and was on her way toward the royal stables.	Мэб отвернулась на секунду, а когда посмотрела вновь , Сири уже выскочила за дверь и устремилась к королевским конюшням.
Bare minutes later, she galloped away from the palace, wearing her favorite brown cloak, feeling an exhilarated thrill that sent her hair into a deep blond.	Через считанные минуты она уже галопом неслась от дворца, одетая в любимый коричневый плащ, дрожа от восторга и превращаясь в совершенную блондинку .
A nice quick ride would be a good way to round out the day.	Добрая прогулка верхом — отличный способ завершить день.
After all, her punishment was likely to be the same either way.	В конце концов наказание наверняка будет тем же.
* * *	* * *

DEDELIN, KING OF IDRIS, set the letter down on his desk.	Король Идриса Деделин положил письмо на стол.
He had stared at it long enough.	Он успел на него насмотреться.
It was time to decide whether or not to send his eldest daughter to her death.	Настало время решать, посылать ли на смерть старшую дочь.
Despite the advent of spring, his chamber was cold.	Несмотря на приближение весны, в его палате стоял холод.
Warmth was a rare thing in the Idris highlands; it was coveted and enjoyed, for it lingered only briefly each summer.	Тепло было редкостью на Идрийских Высотах; его жаждали и ему радовались, оно же лишь ненадолго задерживалось каждое лето.
The chambers were also stark.	В покоях было еще и пусто.
There was a beauty in simplicity.	В простоте заключалась красота.
Even a king had no right to display arrogance by ostentation.	Кичиться богатством не имел права даже король.
Dedelin stood up, looking out his window and into the courtyard.	Деделин встал и посмотрел в окно на двор.
The palace was small by the world's standards—only a single story high, with a peaked wooden roof and squat stone walls.	По мировым стандартам дворец маловат — всего один этаж с заостренной деревянной крышей и осадистыми каменными стенами.
But it was large by Idris standards, and it bordered on flamboyant.	Однако по меркам Идриса он был велик и граничил с роскошью.
This could be forgiven, for the palace was also a meeting hall and center of operations for his entire kingdom.	Это считалось простительным, поскольку дворец служил также залом собраний и деловым центром всего королевства.
The king could see General Yarda out of the corner of his eye.	Король краем глаза видел генерала Ярду.
The burly man stood waiting, his hands clasped behind his back, his thick beard tied in three places.	Здоровяк стоял в ожидании, заложив руки за спину, его густая борода была перевязана в трех местах.
He was the only other person in the room.	Больше в палате не было никого.
Dedelin glanced back at the letter.	Деделин снова взглянул на письмо.
The paper was a bright pink, and the garish color stood out on his desk like a drop of blood in the snow.	Ярко-розовая бумага казалась каплей крови на снегу.
Pink was a color one would never see in Idris.	В Идрисе не водилось ничего розового.
In Hallandren, however—center of the world's dye industry—such tasteless hues were commonplace.	Однако в Халландрене — мировом центре красок — такие безвкусные тона считались в порядке вещей.
"Well, old friend?" Dedelin asked. "Do you have any advice for me?"	— Итак, дружище? — спросил Деделин. — Дашь ли ты мне совет?
General Yarda shook his head.	Генерал Ярда покачал головой:
"War is coming, Your Majesty.	— Ваше величество, приближается война.
I feel it in the winds and read it in the reports of our spies.	Я чувствую ее дыхание в ветрах и читаю о ней в донесениях шпионов.
Hallandren still considers us rebels, and our passes to the north are too tempting.	Халландрен продолжает считать нас мятежниками, а наши северные пути слишком заманчивыми.
They will attack."	Он нападет.
"Then I shouldn't send her," Dedelin said, looking back out his window.	— Тогда мне незачем ее посылать, — произнес Деделин, снова глянув в окно.
The courtyard bustled with people in furs and cloaks coming to market.	Двор кишел людьми в плащах и шубах, пришедшими на рынок.
"We can't stop the war, Your Majesty," Yarda said. "But . . . we can slow it."	— Войну нам не остановить, ваше величество, — сказал Ярда. — Но... мы можем ее отсрочить.
Dedelin turned back.	Деделин повернулся к нему.
Yarda stepped forward, speaking softly.	Ярда шагнул вперед и заговорил мягко:
"This is not a good time.	— Время нынче плохое.
Our troops still haven't recovered from those Vendis raids last fall, and with the	Наши войска еще не оправились от осенних набегов Вендиса, а после

fires in the granary this winter . . ." Yarda shook his head. "We <i>cannot</i> afford to get into a defensive war in the summer.	зимних пожаров в зернохранилище... — Ярда снова покачал головой. — Мы не можем позволить себе летнюю оборонительную войну.
Our best ally against the Hallandren are the snows.	Наш лучший союзник против Халландрена — снег.
We can't let this conflict occur on their terms.	Мы не можем допустить, чтобы конфликт развился на их условиях.
If we do, we are dead."	Иначе нам всем конец.
The words all made sense.	Прозвучало разумно.
"Your Majesty," Yarda said, "they are <i>waiting</i> for us to break the treaty as an excuse to attack.	— Ваше величество, — сказал Ярда, — они и рассчитывают, что мы нарушим договор, дав повод к нападению.
If we move first, they will strike."	Если мы сделаем первый шаг, они ударят.
"If we keep the treaty, they will <i>still</i> strike," Dedelin said.	— Если мы соблюдаем договор, они все равно ударят, — возразил Деделин.
"But later.	— Но позднее.
Perhaps months later.	Может быть, через несколько месяцев.
You know how slow Hallandren politics are.	Вы знаете, насколько медлительна политика Халландрена.
If we keep the treaty, there will be debates and arguments.	Если мы выполним условия, начнутся дебаты и прения.
If those last until the snows, then we will have gained the time we need so badly."	Если они затянутся до снега, мы выиграем время, в котором так остро нуждаемся.
It all made sense.	Все это имело смысл.
Brutal, honest sense.	Жестокий, откровенный смысл.
All these years, Dedelin had stalled and watched as the Hallandren court grew more and more aggressive, more and more agitated.	Долгие годы Деделин тянул время и наблюдал, как халландренский двор становился все более агрессивным.
Every year, voices called for an assault on the "rebel Idrians" living up in the highlands.	Из года в год звучали призывы задать жару «мятежным горцам-идрийцам».
Every year, those voices grew louder and more plentiful.	И с каждым годом эти голоса приумножались и делались громче.
Every year, Dedelin's placating and politics kept the armies away.	Мирная политика Деделина ежегодно сдерживала войска.
He had hoped, perhaps, that the rebel leader Vahr and his Pahn Kahl dissidents would draw attention away from Idris, but Vahr had been captured, his so-called army dispersed.	Наверное, он надеялся, что вожак повстанцев Вахр и его единомышленники из Пан-Каля отвлекут внимание Халландрена от Идриса, но Вахра схватили, его так называемое войско рассеялось.
His actions had only served to make Hallandren more focused on its enemies.	Но Халландрен не отвлекся, а только больше сосредоточился на врагах.
The peace would not last.	Мира не сохранить.
Not with Idris ripe, not with the trade routes worth so much.	Не с урожаями Идриса, не с его соблазнительными торговыми путями.
Not with the current crop of Hallandren gods, who seemed so much more erratic than their predecessors.	Не при нынешнем выводе халландренских богов, которые казались куда безумнее предшественников.
He <i>knew</i> all of that. But he also knew that breaking the treaty would be foolish.	Он все это знал, но понимал и то, что нарушение договора будет глупостью.
When you were cast into the den of a beast, you did not provoke it to anger.	Когда живешь в логове зверя, бестию лучше не злить.
Yarda joined him beside the window, looking out, leaning one elbow against the side of the frame.	Ярда встал рядом с ним у окна и выглянул, облокотившись о раму.
He was a harsh man born of harsh winters.	Он был суровым уроженцем страны с лютыми зимами.
But he was also as good a man as Dedelin had ever known—a part of the king longed to marry Vivenna to the general's own son.	Но также лучшим человеком, какого знал Деделин; глубоко в душе король мечтал выдать Вивенну за генеральского сына.
That was foolishness.	Вздор.
Dedelin had always known this day would come.	Деделин всегда понимал, что этот день настанет.

He'd crafted the treaty himself, and it demanded he send his daughter to marry the God King.	Он лично составил договор, по которому требовалось выдать дочь за Бога-короля.
The Hallandren needed a daughter of the royal blood to reintroduce the traditional bloodline into their monarchy.	Халландрен нуждался в дочери королевской крови, чтобы возродить в своей монархии традиционную кровную линию.
It was something the depraved and vainglorious people of the lowlands had long coveted, and only that specific clause in the treaty had saved Idris these twenty years.	Именно этого давно домогались растленные и тщеславные жители равнин, и только этот отдельный пункт договора сберег Идрису последние двадцать лет.
That treaty had been the first official act of Dedelin's reign, negotiated furiously following his father's assassination.	Сей договор стал первым официальным актом в правление Деделина, явившись предметом яростных торгов после убийства его отца.
Dedelin gritted his teeth.	Деделин стиснул зубы.
How quickly he'd bowed before the whims of his enemies.	Как быстро он исполнил прихоть врагов!
Yet he would do it again; an Idris monarch would do anything for his people.	И все же он сделает это снова; монарх Идриса пойдет на все ради своих подданных.
That was one big difference between Idris and Hallandren.	В этом заключалась серьезная разница между Идрисом и Халландреном.
"If we send her, Yarda," Dedelin said, "we send her to her death."	— Ярда, мы отправим ее на смерть, — сказал Деделин.
"Maybe they won't harm her," Yarda finally said.	— Ей, может быть, не причинят вреда, — ответил после долгой паузы Ярда.
"You know better than that.	— Ты отлично знаешь, как будет.
The first thing they'll do when war comes is use her against me.	Первое, что они сделают с началом войны, — используют ее против меня.
This is <i>Hallandren</i> .	Это же Халландрен!
They invite Awakeners into their palaces, for Austre's sake!"	Во имя Остра, они приглашают в свои дворцы пробуждающих!
Yarda fell silent.	Ярда замолчал.
Finally, he shook his head.	Наконец он покачал головой:
"Latest reports say their army has grown to include some forty thousand Lifeless."	— В последних донесениях говорится, что их армия увеличилась тысяч на сорок безжизненных.
<i>Lord God of Colors</i> , Dedelin thought, glancing at the letter again.	«Бог-повелитель цветов», — подумал Деделин, опять посмотрев на письмо.
Its language was simple.	Его содержание было простым.
Vivenna's twenty-second birthday had come, and the terms of the treaty stipulated that Dedelin could wait no longer.	Вивенне исполнилось двадцать два, и по условиям договора ждать дольше Деделин не имел права.
"Sending Vivenna is a poor plan, but it's our only plan," Yarda said. "With more time, I know I can bring the Tedradel to our cause—they've hated Hallandren since the Manywar.	— Отправка Вивенны — скверный план, но другого у нас нет, — сказал Ярда. — Выиграв время, я сумею заручиться поддержкой Тедрадела — там ненавидят Халландрен еще с Панвойны.
And perhaps I can find a way to rile Vahr's broken rebel faction in Hallandren itself. At the very least, we can build, gather supplies, live another year." Yarda turned to him. "If we don't send the Hallandren their princess, the war will be seen as our fault.	И возможно, мне удастся поднять на бунт разгромленную группировку Вахра в самом Халландрене. По меньшей мере мы сможем отстроиться и запастись всем необходимым, чтобы прожить еще год. — Ярда повернулся к королю. — Если мы не отправим халландренцам принцессу, вину за войну возложат на нас.
Who will support us?	И кто нас поддержит?
They will demand to know why we refused to follow the treaty our own king wrote!"	Нас спросят, почему мы не выполнили условия договора, который наш же король и составил!
"And if we do send them Vivenna, it will introduce the royal blood into their monarchy, and that will have an even <i>more</i> legitimate claim on the highlands!"	— А если мы пошлем к ним Вивенну, в их монархию вольется королевская кровь и притязания на Высоты станут еще правомочнее!
"Perhaps," Yarda said. "But if we both know they're going to attack anyway, then	— Возможно, — ответил Ярда. — Но мы оба понимаем: они атакуют в

what do we care about their claim?	любом случае. А если так, что нам до их притязаний?
At least this way, perhaps they will wait until an heir is born before the assault comes."	По крайней мере, они могут дождаться рождения наследника и уж потом напасть.
More time.	Выиграть время.
The general always asked for more time.	Генерал всегда просил больше времени.
But what about when that time came at the cost of Dedelin's own child?	Но как быть, если платить за него придется родной дочерью Деделина?
<i>Yarda wouldn't hesitate to send one soldier to die if it would mean time enough to get the rest of his troops into better position to attack, Dedelin thought. We are Idris.</i>	«Ярда не колеблясь пошлет солдата на смерть, если это даст время на перестройку армии для атаки, — подумал Деделин. — Мы — Идрис.
<i>How can I ask anything less of my daughter than I'd demand of one of my troops?</i>	<i>Как я могу просить у дочери меньше, чем требую от войска?»</i>
It was just that thinking of Vivenna in the God King's arms, being forced to bear that creature's child . . . it nearly made his hair bleach with concern.	Он чуть не поседел при одной только мысли о Вивенне в руках Бога-короля, принужденной вынашивать отпрыска твари .
That child would become a stillborn monster who would become the next Returned god of the Hallandren.	Дитя окажется мертворожденным чудищем, которое станет очередным возвращенным богом Халландрена.
<i>There is another way, a part of his mind whispered. You don't have to send Vivenna. . . .</i>	«Есть и другой выход, — пронеслось в голове. — Ты не обязан посылать Вивенну...»
A knock came at his door.	В дверь постучали.
Both he and Yarda turned, and Dedelin called for the visitor to enter.	Они с Ярдой обернулись, и Деделин разрешил войти.
He should have been able to guess whom it would be.	Он мог бы и догадаться, кто пожаловал.
Vivenna stood in a quiet grey dress, looking so young to him still.	На пороге, одетая в простое серое платье, стояла Вивенна. Она по-прежнему казалась ему столь юной, что сердце щемило.
Yet she was the perfect image of an Idris woman—hair kept in a modest knot, no makeup to draw attention to the face.	Тем не менее она была образцовой идрийкой: волосы скромно уложены и ни грана косметики для привлечения внимания к лицу .
She was not timid or soft, like some noblewomen from the northern kingdoms.	В отличие от некоторых аристократок из северных королевств, она не была ни робкой, ни изнеженной.
She was just composed.	Только собранной.
Composed, simple, hard, and capable. Idrian .	Собранной, бесхитростной, крепкой и сноровистой.
"You have been in here for several hours, Father," Vivenna said, bowing her head respectfully to Yarda. "The servants speak of a colorful envelope carried by the general when he entered.	— Отец, ты уже несколько часов здесь, — сказала Вивенна, почтительно склонив голову перед Ярдой. — Слуги судачат о цветном конверте, с которым вошел генерал.
I believe I know what it contained."	Я догадываюсь, что внутри.
Dedelin met her eyes, then waved for her to seat herself.	Деделин встретился с ней взглядом и махнул рукой, чтобы села.
She softly closed the door, then took one of the wooden chairs from the side of the room.	Она бесшумно притворила дверь и взяла деревянный стул у стены.
Yarda remained standing, after the masculine fashion.	Ярда продолжил стоять, как подобало мужчине.
Vivenna eyed the letter sitting on the desk.	Вивенна посмотрела на письмо, лежавшее на столе.
She was calm, her hair controlled and kept a respectful black.	Она была спокойна, волосы оставались под контролем и сохраняли уважительный черный цвет.
She was twice as devout as Dedelin, and—unlike her youngest sister—she never drew attention to herself with fits of emotion.	Благочестивая вдвое больше , чем Деделин, она, в отличие от младшей сестры, никогда не привлекала к себе внимания взрывами чувств .
"I assume that I should prepare myself for departure, then," Vivenna said, hands	— Тогда я полагаю, что должна готовиться к отъезду, — произнесла

in her lap.	Вивенна, держа ладони на коленях.
Dedelin opened his mouth, but could find no objection.	Деделин открыл рот, но не нашелся с возражением.
He glanced at Yarda, who just shook his head, resigned.	Он глянул на Ярду, который лишь качнул головой, смиряясь с неизбежным.
"I have prepared my entire life for this, Father," Vivenna said. "I am ready.	— Отец, я всю жизнь готовилась к этому, — заметила Вивенна. — И я готова.
Siri, however, will not take this well.	Но Сири сильно расстроится.
She left on a ride an hour ago.	Час назад она уехала верхом.
I should depart the city before she gets back. That will avoid any potential scene she might make."	Мне нужно покинуть город, пока она не вернулась, иначе может закатить сцену.
"Too late," Yarda said, grimacing and nodding toward the window.	— Поздно, — сказал Ярда и уныло кивнул на окно.
Just outside, people scattered in the courtyard as a figure galloped through the gates.	В ворота галопом влетела всадница, и люди разбежались по двору.
She wore a deep brown cloak that bordered on being too colorful, and—of course—she had her hair down.	На ней был плащ, темно-коричневый цвет которого был почти нескромнен, и волосам она, разумеется, дала волю.
The hair was yellow.	Они стали желтыми.
Dedelin felt his rage and frustration growing.	Гнев и досада закипели в Деделине.
Only Siri could make him lose control, and—as if in ironic counterpoint to the source of his anger—he felt his hair change.	Одна только Сири умела вывести его из себя, и он почувствовал, что его шевелюра тоже меняет окраску — словно издевательским контрапунктом источнику ярости.
To those watching, a few locks of hair on his head would have bled from black to red.	Несколько черных прядей побагровели, будто налившись кровью.
It was the identifying mark of the royal family, who had fled to the Idris highlands at the climax of the Manywar.	Это был отличительный знак королевского рода, который перетек на Высоты Идриса в разгар Панвойны.
Others could hide their emotions. The royals, however, manifested what they felt in the very hair on their heads.	Другие умели скрывать эмоции, но чувства королевских особ проявлялись в самих волосах.
Vivenna watched him, pristine as always, and her poise gave him strength as he forced his hair to turn black again.	Вивенна взирала на него с обычным благочестием, и ее хладнокровие придало ему сил, чтобы восстановить черноту волос.
It took more willpower than any common man could understand to control the treasonous Royal Locks.	Простолюдинам невдомек, сколь сильная воля требовалась для укрощения предательских королевских локонов.
Dedelin wasn't sure how Vivenna managed it so well.	Деделин не понимал, как это удавалось Вивенне.
<i>Poor girl never even had a childhood,</i> he thought.	«У бедной девочки и детства-то не было», — подумал он.
From birth, Vivenna's life had been pointed toward this single event.	Жизнь Вивенны с минуты рождения готовила ее к этому единственному событию.
His firstborn child, the girl who had always seemed like a part of himself.	Первенца, всегда казавшаяся частью его самого.
The girl who had always made him proud; the woman who had already earned the love and respect of her people.	Девушка, которой он неизменно гордился; женщина, уже заслужившая любовь и уважение народа.
In his mind's eye he saw the queen she could become, stronger even than he.	Умозрительно он видел ее королевой, даже сильнее себя.
Someone who could guide them through the dark days ahead.	Той, кто проведет их через грядущие мрачные дни.
But only if she survived that long.	Если успеет дожить.
"I will prepare myself for the trip," Vivenna said, rising.	Вивенна встала. — Я пошла собираться в путь.
"No," Dedelin said.	— Нет, — сказал Деделин.
Yarda and Vivenna both turned.	Ярда и Вивенна повернулись к нему.

"Father," Vivenna said. "If we break this treaty, it will mean war.	— Отец, — сказала Вивенна, — если мы нарушим договор, начнется война.
I am prepared to sacrifice for our people.	Я готова пожертвовать собой для народа.
You taught me that."	Ты научил меня этому.
"You will <i>not</i> go," Dedelin said firmly, turning back toward the window.	— Ты не поедешь, — твердо ответил Деделин, вновь обратив взор к окну.
Outside, Siri was laughing with one of the stablemen .	Там, снаружи, смеялась вместе с конюхом Сири.
Dedelin could hear her outburst even from a distance; her hair had turned a flame-colored red.	Деделин различал взрывы хохота даже издалека; ее волосы стали огненно-рыжими.
<i>Lord God of Colors, forgive me, he thought. What a terrible choice for a father to make.</i>	«Прости меня, бог — повелитель цветов, — взмолился он. — Какой чудовищный для отца выбор!
<i>The treaty is specific: I must send the Hallandren my daughter when Vivenna reaches her twenty-second birthday.</i>	<i>В договоре дословно сказано: я обязуюсь послать в Халландрен мою дочь, когда Вивенне исполнится двадцать два года.</i>
<i>But it doesn't actually say which daughter I am required to send.</i>	Но там не прописано, которую дочь я должен прислать».
If he didn't send Hallandren one of his daughters, they would attack immediately.	Если он не отправит в Халландрен кого-то из дочерей , нападут немедленно.
If he sent the wrong one, they might be angered, but he knew they wouldn't attack.	А если пришлет не ту, халландренцы озлятся, но атаки не будет.
They would wait until they had an heir.	Он это знал. Они дождутся наследника.
That would gain Idris at least nine months.	Идрис выиграет как минимум девять месяцев.
<i>And . . . he thought, If they were to try to use Vivenna against me, I know that I wouldn't be able to stop myself from giving in.</i>	«И еще... — подумал он. — Если они используют Вивенну против меня, я могу не выдержать и сдаться».
It was shameful to admit that fact, but in the end, it was what made the decision for him.	Позорный для признания факт, но им определилось решение .
Dedelin turned back toward the room.	Деделин вновь повернулся к генералу и дочери.
"Vivenna, you will not go to wed the tyrant god of our enemies.	— Вивенна, ты не выйдешь замуж за тирана — бога наших врагов.
I'm sending Siri in your place."	Я посылаю Сири вместо тебя.
2	Глава 2
Siri sat, stunned, in a rattling carriage, her homeland growing more and more distant with each bump and shake.	Ошеломленная Сири сидела в гроыхающем экипаже и с каждой кочкой все больше удалялась от родины.
Two days had passed, and she still didn't understand.	Прошло два дня, а она все еще не могла поверить в случившееся.
This was supposed to be Vivenna's task. Everybody understood that.	Это считалось задачей Вивенны, понятной каждому.
Idris had thrown a celebration on the day of Vivenna's birth.	В день рождения Вивенны Идрис устроил пир.
The king had started her classes from the day she could walk, training her in the ways of court life and politics.	Желая поднатаскать свою первеницу в придворной жизни и политике, король отдал ее в ученичество, едва она начала ходить.
Fafen, the second daughter, had also taken the lessons in case Vivenna died before the day of the wedding.	Тому же училась и Фafen, вторая дочь, на случай, если Вивенна умрет до замужества.
But not Siri.	Но не Сири.
She'd been redundant.	Она была лишней.
Unimportant.	Незначительной.
No more.	Не более того.
She glanced out the window.	Она выглянула в окно.
Her father had sent the kingdom's nicest carriage—along with an honor guard of twenty soldiers—to bear her southward.	Чтобы доставить ее на юг, отец выделил лучшую в королевстве карету вместе с почетной свитой из двадцати солдат.

That, combined with a steward and several serving boys, made for a procession as grand as Siri had ever seen.	Усиленная сенешалем и несколькими мальчиками-слугами, процессия была самой пышной на памяти Сири.
It bordered on ostentation, which might have thrilled her, had it not been bearing her away from Idris.	Это граничило с бахвальством, которое заворожило бы ее, не уносишь Сири из Идриса.
<i>This isn't the way it's supposed to be, she thought. This isn't the way any of it is supposed to happen!</i>	«Все задумывалось иначе, — думала она. — Этого не должно было случиться!»
And yet it had. Nothing made sense.	Однако случилось. Все казалось бессмысленным.
The carriage bumped, but she just sat, numb.	Карету трясло, но она тупо сидела в оцепенении.
<i>At the very least, she thought, they could have let me ride horse back, rather than forcing me to sit in this carriage.</i> But that, unfortunately, wouldn't have been an appropriate way to enter Hallandren.	«По крайней мере, могли бы позволить ехать верхом, а не усаживать силком в экипаж!» Увы, но это сочли бы неподобающим въездом в Халландрен.
Hallandren.	Халландрен.
She felt her hair bleach white with fear.	Она почувствовала, как светлеют от страха волосы.
She was being sent to <i>Hallandren</i> , a kingdom her people cursed with every second breath.	Ее отсылали в Халландрен — в королевство, которое в ее народе проклинали на каждом шагу!
She wouldn't see her father again for a long while, if ever.	Отца она не увидит долго, а то и вообще никогда.
She wouldn't speak with Vivenna, or listen to the tutors, or be chided by Mab, or ride the royal horses, or go looking for flowers in the wilderness, or work in the kitchens.	Она не сможет поговорить с Вивенной, послушать учителей, ее не пожурит Мэб, она не прокатится на королевских конях, не убежит в глухомань за цветами, не поработает в кухнях.
She'd . . .	Она...
Marry the God King.	Выйдет замуж за Бога-короля.
The terror of Hallandren, the monster that had never drawn a living breath.	Кошмар Халландрена; чудовище, не знающее живого дыхания.
In Hallandren, his power was absolute.	Его власть в Халландрене была абсолютной.
He could order an execution on a whim.	Он мог казнить из чистого каприза.
<i>I'll be safe, though, won't I?</i> she thought. <i>I'll be his wife.</i>	«Но я-то уцелею? — подумалось ей. — Я буду его женой».
<i>Wife.</i>	«Женой.
<i>I'm getting married.</i>	Я выхожу замуж».
<i>Oh Austre, God of Colors . . .</i> she thought, feeling sick.	«О, Остр, повелитель цветов...» Ее затошнило.
She curled up with her legs against her chest—her hair growing so white that it seemed to shine—and lay down on the seat of the carriage, not sure if the shaking she felt was her own trembling or the carriage continuing its inexorable path southward.	Она подтянула колени к груди; волосы побелели уже до блеска. Легла на сиденье, не понимая, откуда дрожь — трясет ли ее саму или карету, которая неуклонно катит на юг.
* * *	* * *
"I THINK that you should reconsider your decision, Father," Vivenna said calmly, sitting decorously—as she'd been trained—with hands in her lap.	— По-моему, отец, ты должен пересмотреть свое решение, — сказала Вивенна, сидя, как учили: чинно, с ладонями на коленях.
"I've considered and reconsidered, Vivenna," King Dedelin said, waving his hand. "My mind is made up."	— Я думал и так и этак, Вивенна, — отмахнулся король Деделин. — Решение окончательное.
"Siri is not suited to this task."	— Сири не годится для этого дела.
"She'll do fine," her father said, looking through some papers on his desk. "All she really needs to do is have a baby."	— Она прекрасно справится, — ответил отец из-за стола, просматривая бумаги. — Ей нужно только родить.
I'm certain she's 'suited' to that task."	Я уверен, хоть на это она годна.
<i>What then of my training?</i> Vivenna thought. <i>Twenty-two years of preparation?</i>	«Зачем же я училась? — подумала Вивенна. — Зачем готовилась двадцать

	два года?
<i>What was that, if the only point in being sent was to provide a convenient womb?</i>	<i>К чему это все, если главное — подыскать подходящую утробу?»</i>
She kept her hair black, her voice solemn, her face calm.	Она сохранила волосы черными, голос — серьезным, лицо — невозмутимым.
"Siri must be distraught," she said. "I don't think she's emotionally capable of dealing with this."	— Сири наверняка убита горем, — сказала Вивенна. — Не думаю, что она выдержит такое испытание.
Her father looked up, his hair fading a bit red—the black bleeding away like paint running off a canvas.	Отец поднял взгляд, и его волосы чуть покраснели — чернота схлынула, как краска с холста.
It showed his annoyance.	Лишь этим он выдал свое раздражение.
<i>He's more upset by her departure than he's willing to admit.</i>	<i>«Он расстроен ее отъездом сильнее, чем хочет признать».</i>
"This is for the best for our people, Vivenna," he said, working—with obvious effort—to turn his hair black again. "If war comes, Idris will need you here."	— Это сделано во благо нашего народа, Вивенна, — произнес он, с усилием восстанавливая цвет волос. — Если начнется война, ты понадобишься здесь, в Идрисе.
"If war comes, what of Siri?"	— А что тогда будет с Сири?
Her father fell silent.	Отец умолк.
"Perhaps it won't come," he finally said.	Наконец он выдал: — Возможно, войны и не будет.
<i>Austre . . . Vivenna thought with shock. He doesn't believe that.</i>	<i>«Остр... — ужаснулась Вивенна. — Он же в это не верит.</i>
<i>He thinks he's sent her to her death.</i>	<i>Считает, что послал ее на смерть».</i>
"I know what you are thinking," her father said, drawing her attention back to his eyes.	— Знаю, о чем ты думаешь, — сказал отец, встречаясь с ней взглядом.
So solemn. "How could I choose one over the other?"	Неописуемо мрачным. — Как я мог предпочесть одну другой?
How could I send Siri to die and leave you here to live?	Отправить на гибель Сири, а жить оставить тебя?
I didn't do it based on personal preference, no matter what people may think.	Пусть люди думают что угодно, я сделал это не из личной привязанности.
I did what will be best for Idris when this war comes."	Я считаю, так будет лучше для Идриса, когда разразится война.
<i>When this war comes.</i>	<i>«Когда» разразится война.</i>
Vivenna looked up, meeting his eyes.	Вивенна посмотрела ему в глаза.
"I was going to stop the war, Father.	— Отец, я собиралась остановить войну.
I was to be the God King's bride!	Мне же выпало стать невестой Бога-короля!
I was going to speak with him, persuade him.	Я намеревалась говорить с ним, убедать его.
I've been trained with the political knowledge, the understanding of customs, the—"	Я разбираюсь в политике, знаю обычаи...
"Stop the war?" her father asked, cutting in.	— Остановить? — перебил отец.
Only then did Vivenna realize how brash she must have sounded.	Только тогда Вивенна осознала, насколько дерзки ее слова.
She looked away.	Она отвернулась.
"Vivenna, child," her father said. "There is no stopping this war.	— Вивенна, дитя мое, — сказал отец, — этой войны не избежать.
Only the promise of a daughter of the royal line kept them away this long, and sending Siri may buy us time.	Их сдерживала только обещанная принцесса, и отправка Сири может добавить нам времени.
And . . . perhaps I've sent her to safety, even when war flares.	И... не исключено, что даже в разгар войны она окажется в безопасности.
Perhaps they will value her bloodline to the point that they leave her alive—a backup should the heir she bears pass away." He grew distant. "Yes," he continued, "perhaps it is not Siri we should be fearing for, but . . ."	Может быть, кровь Сири оценят так высоко, что оставят в живых — на случай смерти наследника, которого она выносит. — Тон его отдалился. — Да, — продолжил он, — возможно, нам следует бояться не за Сири, а...

<i>But ourselves, Vivenna finished in her mind.</i>	«За себя», — мысленно закончила Вивенна.
She was not privy to all of her father's war planning, but she knew enough.	Она не была посвящена во все военные планы отца, но знала достаточно.
War would not favor Idris.	Война не пощадит Идрис.
In a conflict with Hallandren, there was little chance they would win.	В конфликте с Халландреном им вряд ли удастся победить.
It would be devastating for their people and their way of life.	Это станет катастрофой для народа и его обычаев.
"Father, I—"	— Отец, я...
"Please, Vivenna," he said quietly.	Король мягко оборвал ее:
"I cannot speak of this further.	— Прошу тебя, Вивенна, я больше не могу это обсуждать.
Go now.	Ступай с миром.
We will converse later."	Побеседуем позже.
Later.	Позже.
After Siri had traveled even farther away, after it would be much more difficult to bring her back.	Когда Сири отъедет еще дальше и вернуть ее будет намного труднее.
Yet Vivenna rose.	Тем не менее Вивенна поднялась.
She was obedient; it was the way she had been trained.	Она была послушна — так воспитали.
That was one of the things that had always separated her from her sister.	Эта черта всегда отличала ее от сестры.
She left her father's study, closing the door behind her, then walked through the wooden palace hallways, pretending that she didn't see the stares or hear the whispers.	Она покинула отцовский кабинет, закрыла за собой дверь и пошла по деревянным коридорам дворца, притворяясь, будто не замечает ни взглядов, ни шепота.
She made her way to her room—which was small and unadorned—and sat down on her bed, hands in her lap.	Она добралась до своей комнаты — маленькой и невзрачной, где села на кровать, сложив на коленях руки.
She didn't agree at all with her father's assessment.	Вивенна была совершенно не согласна с мнением отца.
She <i>could</i> have done something.	Она могла что-то сделать.
She was to have been the God King's bride. That would have given her influence in the court.	Ей предстояло стать невестой Бога-короля, приобрести влияние при дворе.
Everyone knew that the God King himself was distant when it came to the politics of his nation, but surely his wife could have played a role in defending the interests of her people.	Все знали, что Бог-король самоустранялся, когда дело касалось политики государства, но жена его, несомненно, могла бы сыграть свою роль в защите соотечественников.
And her father had thrown that away?	И всем этим отец пренебрег?
<i>He really must believe that there is nothing that can be done to stop the invasion.</i>	<i>«Он и впрямь уверен, что вторжение неизбежно».</i>
That turned sending Siri into simply another political maneuver to buy time.	Отсылка Сири выглядела очередным политическим маневром с целью выиграть время.
Just as Idris had been doing for decades.	Идрис поступал так десятилетиями.
Either way, if the sacrifice of a royal daughter to the Hallandren was that important, then it still should have been Vivenna's place to go.	И если пожертвовать Халландрену королевскую дочь было настолько важно, ехать все равно полагалось Вивенне.
It had always been <i>her</i> duty to prepare for marriage to the God King.	Готовность к браку с Богом-королем — ее долг.
Not Siri's, not Fafen's. Vivenna's.	Не Сири и не Фафен — Вивенны.
In being saved, she didn't feel grateful.	Спасенная, она не испытывала благодарности.
Nor did she feel that she would better serve Idris by staying in Bevalis.	Ей также не казалось, что она больше послужит Идрису, оставаясь в Бевалисе.
If her father died, Yarda would be far better suited to rule during war time than	Если отец умрет, Ярда станет намного лучшим правителем военного

Vivenna.	времени, чем Вивенна.
Besides, Ridger—Vivenna’s younger brother—had been groomed as heir for years.	Да и к трону годами готовили младшего брата — Риджера.
She had been preserved for no reason.	Ее берегли напрасно.
It seemed a punishment, in some ways.	В каком-то смысле это выглядело наказанием.
She’d listened, prepared, learned, and practiced.	Она внимала, готовилась, училась и упражнялась.
Everyone said that she was perfect.	Ее называли совершенством.
Why, then, wasn’t she good enough to serve as intended?	Выходит, она недостаточно хороша для намеченного служения?
She had no good answer for herself.	Ответа не находилось.
She could only sit and fret, hands in her lap, and face the awful truth.	Ей оставалось только сидеть и мучиться, положив на колени руки и постигая ужасную правду.
Her purpose in life had been stolen and given to another.	Цель ее жизни украли и отдали другой.
She was redundant now.	Теперь она стала лишней.
Useless.	Бесполезной.
Unimportant.	Незначительной.
* * *	* * *
“WHAT WAS HE <i>THINKING!</i> ” Siri snapped, hanging half out the window of her carriage as it bounced along the earthen road.	— О чем он думал?! — рявкнула Сири, наполовину высунувшись из окна кареты, которую трясло на грунтовой дороге.
A young soldier marched beside the vehicle, looking uncomfortable in the afternoon light.	Рядом шагал молодой солдат, и видно было, что ему неуютно при свете дня .
“I mean really,” Siri said. “Sending <i>me</i> to marry the Hallandren king.	— Я серьезно, — не унималась Сири. — Выдать меня за халландренского короля — разве не глупость?
That’s silly, isn’t it? Surely you’ve heard about the kinds of things I do.	Ты наверняка слышан о моих выходках.
Wandering off when nobody’s looking.	Я сбегаю, как только недоглядят.
Ignoring my lessons.	Прогуливаю уроки.
I throw angry fits, for Color’s sake!!”	Устраиваю истерики, во имя Остра!
The guard glanced at her out of the corner of his eye, but otherwise gave no reaction.	Страж покосился на нее, но никак не отозвался.
Siri didn’t really care.	Сири было наплевать.
She wasn’t yelling at him so much as just <i>yelling</i> .	Она орала не на него, а ради самого ора .
She hung precariously from the window, feeling the wind play with her hair—long, red, straight—and stoking her anger.	Она опасно свесилась из окна, чувствуя, как ветер играет ее волосами — длинными, красными, прямыми — и раздувает пожар гнева.
Fury kept her from weeping.	Ярость не позволяла ей плакать.
The green spring hills of the Idris Highlands had slowly faded away as the days had passed.	Летели дни, и зеленые весенние холмы Идрийских Высот постепенно истаяли.
In fact, they were probably in Hallandren already—the border between the two kingdoms was vague, which wasn’t surprising, considering that they’d been one nation up until the Manywar.	Возможно, Сири уже въехала в Халландрен — граница между двумя королевствами была нечеткой, и это не удивляло, потому что до Панвойны они составляли одно государство.
She eyed the poor guard—whose only way of dealing with a raving princess was ignoring her.	Сири рассматривала несчастного стража, которому оставалось одно — игнорировать беснующуюся принцессу.
Then she finally slumped back into the carriage.	Затем она наконец рухнула на сиденье.
She shouldn’t have treated him so, but, well, she’d just been sold off like some	Не стоило с ним так обращаться, но посудите сами — ее взяли и продали,

hunk of mutton—doomed by a document that had been written years before she'd even been born.	как племенную овцу, по роковому условию документа, написанного за годы до ее рождения.
If anyone had a right to a tantrum, it was Siri.	Уж если кто и получил право на истерику, так это Сири!
<i>Maybe that's the reason for all of this</i> , she thought, crossing her arms on the windowsill. <i>Maybe Father was tired of my tantrums, and just wanted to get rid of me.</i>	«Может быть, в том все и дело, — подумала она, сложив руки на груди. — Наверно, отцу надоели мои выходки, и он решил от меня избавиться».
That seemed a little far-fetched.	Это показалось не очень правдоподобным.
There were easier ways to deal with Siri—ways that didn't include sending her to represent Idris in a foreign court.	Можно было и проще расправиться с Сири, не поручая ей представлять Идрис при иностранном дворе.
Why, then?	Тогда почему?
Did he really think she'd do a good job?	Неужели он всерьез полагал, что она преуспеет?
That gave her pause.	Это ее озадачило.
Then she considered how ridiculous it was.	Затем она поняла, сколь смехотворна такая мысль.
Her father wouldn't have assumed that she'd do a better job than Vivenna. Nobody did <i>anything</i> better than Vivenna.	Отцу бы и в голову не пришло, что она лучше Вивенны, достоинства которой были недостижимы.
Siri sighed, feeling her hair turn a pensive brown.	Сири вздохнула, чувствуя, как волосы приобретают печальный каштановый цвет.
At least the landscape was interesting, and in order to keep herself from feeling any more frustrated, she let it distract her for the moment.	По крайней мере, был любопытен пейзаж, и она позволила себе ненадолго отвлечься, чтобы не разгореваться вконец .
Hallandren was in the lowlands, a place of tropical forests and strange, colorful animals.	Халландрен раскинулся в низинах — области тропических лесов и странных, красочных животных.
Siri had heard the descriptions from ramblemen , and even confirmed their accounts in the occasional book she'd been forced to read.	Сири слышала о них от шатунов и даже нашла подтверждение их описаниям в случайной книге, которую ее заставили прочесть.
She'd thought she knew what to expect.	Она воображала, будто знает, чего ожидать.
Yet as the hills gave way to deep grasslands and then the trees finally began to crowd the road, Siri began to realize that there was something no tome or tale could adequately describe.	Однако, когда холмы сменились пышными лугами, а дорогу наконец обступили деревья, Сири осознала: здесь царит то, чего не в силах передать ни книги, ни рассказы.
Colors.	Цвета.
In the highlands, flower patches were rare and unconnected, as if they understood how poorly they fit with Idris philosophy.	Высотные цветы встречались редко и росли разрозненно, как будто понимали, насколько плохо они вписываются в философию Идриса.
Here, they appeared to be everywhere.	Здесь же казалось, что они повсюду.
Tiny flowers grew in great blanketing swaths on the ground.	Крохотные цветки пестрели на огромных полянах-одеялах .
Large, drooping pink blossoms hung from trees, like bundles of grapes, flowers growing practically on top of one another in a large cluster.	Большие, розовые — свисали с деревьев, словно виноградные грозди. Цветы разрастались друг на дружке, образуя крупные кисти.
Even the weeds had flowers.	Цвели даже сорняки.
Siri would have picked some of them, if not for the way that the soldiers regarded them with hostility.	Сири собрала бы букет, не взирая солдаты на них столь неприязненно.
<i>If I feel this anxious</i> , she realized, <i>those guards must feel more so.</i>	«Если уж я так волнуюсь, каково охране?» — сообразила Сири.
She wasn't the only one who had been sent away from family and friends.	Не только ее разлучили с друзьями и близкими.
When would these men be allowed to return?	Когда этим людям позволят вернуться?
Suddenly, she felt even more guilty for subjecting the young soldier to her outburst.	Внезапно она еще сильнее устыдилась того, что сорвала гнев на солдатике .

<i>I'll send them back when I arrive, she thought.</i>	«Как только приедем, отошлю их домой», — подумала она.
Then she immediately felt her hair grow white.	И сразу почувствовала, как побелели волосы.
Sending the men back would leave her alone in a city filled with Lifeless, Awakeners, and pagans.	Она останется одна в городе, полном безжизненных, пробуждающих и язычников.
Yet what good would twenty soldiers do her?	Но чем ей помогут двадцать солдат?
Better that someone, at least, be allowed to return home.	Пусть хоть кто-нибудь вернется на родину.
* * *	* * *
"ONE WOULD THINK that you would be happy," Fafen said. "After all, you no longer have to marry a tyrant."	— Надо радоваться, — сказала Фафен. — В конце концов, тебе не придется выходить за тирана.
Vivenna plopped a bruise-colored berry into her basket, then moved on to a different bush.	Вивенна бросила в корзину синюшного цвета ягоду и перешла к следующему кусту.
Fafen worked on one nearby.	Фафен ошципывала соседний.
She wore the white robes of a monk, her hair completely shorn.	На ней была белая монашеская ряса, волосы полностью сбриты.
Fafen was the middle sister in almost every way—midway between Siri and Vivenna in height, less proper than Vivenna, yet hardly as careless as Siri.	Фафен была средней сестрой во всех отношениях — ростом между Вивенной и Сири, не такая правильная, как Вивенна, но и не оторва , как Сири.
Fafen was a bit curvier than either of them, which had caught the eyes of several young men in the village.	И чуть пышнее обеих, что привлекало взгляды деревенских юнцов.
However, the fact that they would have to become monks themselves if they wanted to marry her kept them in check.	Но их сдерживало то обстоятельство, что для женитьбы на ней им самим пришлось бы пойти в монахи.
If Fafen noticed how popular she was, she'd never shown it.	Если Фафен и замечала свою популярность, то вида не подавала.
She'd made the decision to become a monk before her tenth birthday, and her father had wholeheartedly approved.	Она решила стать монахиней, когда ей исполнялось десять лет, и отец искренне одобрил ее выбор.
Every noble or rich family was traditionally obligated to provide one person to the monasteries.	Все благородные и богатые семьи традиционно обязывались отдать кого-то из близких в монастырь.
It was against the Five Visions to be selfish, even with one's own blood.	Эгоизм, даже связанный с кровным родством, противоречил пяти видениям.
The two sisters gathered berries that Fafen would later distribute to those in need.	Сестры собирали ягоды, которые Фафен в дальнейшем раздаст нуждающимся.
The monk's fingers were dyed slightly purple by the work.	Пальцы монахини слегка окрасились в лиловый цвет.
Vivenna wore gloves.	Вивенна работала в перчатках.
That much color on her hands would be unseemly.	Такое количество краски на руках сочтут непристойным.
"Yes," Fafen said, "I do think you're taking this all wrong.	— Да, — повторила Фафен. — По-моему, ты все воспринимаешь превратно.
Why, you act as if you <i>want</i> to go down and be married to that Lifeless monster."	Помилуй, да можно подумать, что тебе хочется уехать и выйти за это безжизненное чудовище!
"He's not Lifeless," Vivenna said. "Susebron is Returned, and there is a large difference."	— Он не безжизненный, — возразила Вивенна. — Сюзброн — возвращенный, а это большая разница.
"Yes, but he's a false god.	— Да, но он ложный бог.
Besides, everyone knows what a terrible creature he is."	К тому же всем известно, какая он страшная тварь .
"But it was my <i>place</i> to go and marry him.	— Но ехать к нему и выходить за него — мое дело!
That is who I am, Fafen.	Я для этого рождена, Фафен.
Without it, I am nothing."	Без этого я ничто.
"Nonsense," Fafen said. "You'll inherit now, instead of Ridger."	— Чуть, — бросила сестра. — Теперь ты наследница вместо Риджера.

<i>Thereby unsettling the order of things even further, Vivenna thought. What right do I have to take his place from him?</i>	«Тем больше нарушается порядок вещей, — подумала Вивенна. — Какое у меня право лишать его будущего?»
She allowed this aspect of the conversation to lapse, however.	Впрочем, она решила покончить с этой темой.
She'd been arguing the point for several minutes now, and it wouldn't be proper to continue.	Она отстаивала свое мнение уже несколько минут, и продолжать дискуссию было неправильно.
Proper.	Правильность.
Rarely before had Vivenna felt so frustrated at having to be proper.	До сих пор ее редко выводила из себя необходимость быть правильной.
Her emotions were growing rather . . . inconvenient.	Ее бурлящие чувства становились весьма... неудобными.
"What of Siri?" she found herself saying.	Она обнаруживала, что уже спрашивает:
"You're happy that this happened to her?"	— А как насчет Сири? Ты рада ее участи?
Fafen looked up, then frowned a little to herself.	Фафен подняла глаза и чуть нахмурилась.
She had a tendency to avoid thinking things through unless she was confronted with them directly.	Она старалась не обдумывать неприятные вещи, пока не сталкивалась с ними в лоб.
Vivenna felt a little ashamed for making such a blunt comment, but with Fafen, there often wasn't any other way.	Вивенне стало немного стыдно за столь откровенную реплику, но с Фафен часто иначе не получалось.
"You do have a point," Fafen said. "I don't see why <i>anyone</i> had to be sent."	— Ты права, — сказала Фафен. — Не вижу смысла вообще кого-либо посылать.
"The treaty," Vivenna said. "It protects our people."	— Договор, — напомнила Вивенна. — Он охраняет наш народ.
"Austre protects our people," Fafen said, moving on to another bush.	— Наш народ хранит Остр, — возразила Фафен, переходя к другому кусту.
<i>Will he protect Siri?</i> Vivenna thought.	«Защитит ли он Сири?» — подумала Вивенна.
Poor, innocent, capricious Siri.	Бедная, невинная, ветреная Сири.
She'd never learned to control herself; she'd be eaten alive in the Hallandren Court of Gods.	Она так и не научилась самоконтролю; при халландренском Дворе богов ее сожрут заживо.
Siri wouldn't understand the politics, the backstabbing, the false faces and lies.	Сири ничего не смыслит в политике, не знает вероломства, не различает фальши в лицах и лжи.
She would also be forced to bear the next God King of Hallandren.	ПРОПУЩЕНО
Performing that duty was not something Vivenna had looked forward to.	Вивенна не жаждала выполнить этот долг.
It would have been a sacrifice, yet it would have been <i>her</i> sacrifice, given willingly for the safety of her people.	Она должна была принести жертву, но все-таки свою, добровольную, на благо народа.
Such thoughts continued to pester Vivenna as she and Fafen finished with the berry picking, then moved down the hillside back toward the village.	Эти мысли продолжали терзать Вивенну, когда они с Фафен, покончив с ягодами, спускались с холма в селение.
Fafen, like all monks, dedicated all of her work to the good of the people.	Фафен, как все монахини, посвятила себя добрым делам.
She watched flocks, harvested food, and cleaned houses for those who could not do it themselves.	Она присматривала за живностью, собирала урожай и помогала по хозяйству немощным.
Without a duty of her own, Vivenna had little purpose.	Без личного долга жизнь Вивенны лишилась цели.
And yet, as she considered it, there <i>was</i> someone who still needed her.	И все же, если поразмыслить, существовал человек, по-прежнему в ней нуждавшийся.
Someone who had left a week before, teary-eyed and frightened, looking to her big sister with desperation.	Та, что уехала неделю назад, — в слезах и напуганная, с отчаянием взиравшая на старшую сестру.
Vivenna wasn't needed in Idris, whatever her father said.	Что бы ни говорил отец, Вивенна не нужна в Идрисе.
She was useless here.	Здесь она оказалась бесполезной.
But she <i>did</i> know the people, cultures, and society of Hallandren.	Зато народ, культуру и общество Халландрена она досконально изучила.

And—as she followed Fafen onto the village road—an idea began to form in Vivenna’s head.	И пока она шла за Фафен по сельской дороге, в голове складывался план.
One that was not, by any stretch of the imagination, proper.	Который не назовешь правильным даже при буйном воображении.
3	Глава 3
Lightsong didn’t remember dying.	Жаворонок не помнил, как умер.
His priests, however, assured him that his death had been extremely inspiring.	Его служители, однако, твердили, что смерть была крайне воодушевляющей.
Noble.	Благородной.
Grand.	Величественной.
Heroic.	Геройской.
One did not Return unless one died in a way that exemplified the great virtues of human existence.	Возврат случался, только если субъект выказывал смертью великие людские добродетели.
That was why the Iridescent Tones sent the Returned back; they acted as examples, and gods, to the people who still lived.	Вот почему Радужные тона посылали возвращенных обратно: пусть станут примерами и богами для живых.
Each god represented something.	Каждый бог что-нибудь воплощал.
An ideal related to the heroic way in which they had died.	Идеал героической гибели, которой он пал.
Lightsong himself had died displaying extreme bravery.	Жаворонок умер, проявив невиданную отвагу.
Or, at least, that was what his priests told him.	По крайней мере, так сказали ему жрецы.
Lightsong couldn’t remember the event, just as he couldn’t remember anything of his life before he became a god.	Жаворонок не помнил ни самого события, ни своей жизни до превращения в бога.
He groaned softly, unable to sleep any longer.	Он тихо застонал, неспособный спать дальше.
He rolled over, feeling weak as he sat up in his majestic bed.	Перекатился на бок и сел на величественном ложе, чувствуя слабость.
Visions and memories pestered his mind, and he shook his head, trying to clear away the fog of sleep.	Видения и воспоминания роились в его мозгу, и он встряхнул головой в попытке согнать сонный туман.
Servants entered, responding wordlessly to their god’s needs.	Вошли слуги, безмолвно откликнувшись на нужды своего бога.
He was one of the younger divinities, for he’d Returned only five years before.	Он был в числе младших божеств, так как возвратился всего пять лет назад.
There were some two dozen deities in the Court of Gods, and many were far more important—and far more politically savvy—than Lightsong.	При Дворе богов обитало дюжины две божеств, и многие были гораздо важнее — и политически намного грамотнее, — чем Жаворонок.
And above them all reigned Susebron, the God King of Hallandren.	А выше всех стоял правитель Сюзброн, Бог-король Халландрена.
Young though he was, he merited an enormous palace.	Несмотря на молодость, Жаворонок удостоился огромного дворца.
He slept in a room draped with silks, dyed with bright reds and yellows.	Спал в опочивальне, драпированной ярко-красными и золочеными шелками.
His palace held dozens of different chambers, all decorated and furnished according to his whims.	Во дворце были десятки покоев, все разукрашенные и обставленные по его вкусу.
Hundreds of servants and priests saw to his needs—whether he wanted them seen to or not.	Сотни слуг и жрецов обслуживали его, и не важно, хотел он их видеть или нет.
<i>All of this, he thought as he stood, because I couldn’t figure out how to die.</i>	«И все потому, что я не понимал, как умереть», — подумал он, когда встал.
Standing made him just a bit dizzy.	Слегка закружилась голова.
It was his feast day.	Сегодня его праздник.
He would lack strength until he ate.	И пока он не поест, сил не прибавится.
Servants approached carrying brilliant red and gold robes.	Приблизились слуги, принесшие одежды ослепительно-яркие — позолоченные и красные.

As they entered his aura, each servant—skin, hair, clothing, and garments—burst with exaggerated color.	Вступив в его ауру, каждый слуга взрывался красками — кожа, волосы, одежда, экипировка .
The saturated hues were far more resplendent than any dye or paint could produce.	Никакие красители не могли дать столь насыщенные тона.
That was an effect of Lightsong’s innate BioChroma: he had enough Breath to fill thousands of people.	Таково действие врожденной биохромы Жаворонка, его дохов хватило бы на тысячи человек.
He saw little value in it.	Он не считал это особо ценным.
He couldn’t use it to animate objects or corpses; he was a god, not an Awakener.	Он не мог использовать их для оживления предметов и трупов; он был богом, а не пробуждающим.
He couldn’t give—or even loan—his deific Breath away.	Свой дох он не мог ни отдать, ни даже одолжить.
Well, except once.	Разве что однократно.
That would, however, kill him.	Но это его убьет.
The servants continued their ministrations, draping him with gorgeous cloth.	Слуги продолжили свое дело, облачая его в роскошные одежды.
Lightsong was a good head and a half taller than anyone else in the room.	Жаворонок был славным малым и вдвое выше любого из его окружения.
He was also broad of shoulders, with a muscular physique that he didn’t deserve, considering the amount of time he spent idle.	Он также был широк в плечах и незаслуженно мускулист, если учесть проводимое в праздности время.
“Did you sleep well, Your Grace?” a voice asked.	— Хорошо ли спалось вашей милости? — осведомился голос.
Lightsong turned.	Жаворонок обернулся.
Llarimar, his high priest, was a tall, portly man with spectacles and a calm demeanor.	Лларимар, его верховный жрец, — высокий, тучный мужчина в очках, со спокойными манерами.
His hands were nearly hidden by the deep sleeves of his gold and red robe, and he carried a thick tome.	Его кисти почти полностью скрывались в широких рукавах красно-золоченой рясы , и он держал толстый фолиант.
Both robes and tome burst with color as they entered Lightsong’s aura.	И ряса, и книга ярко вспыхнули, как только вторглись в ауру Жаворонка.
“I slept fantastically, Scoot,” Lightsong said, yawning. “A night full of nightmares and obscure dreams, as always.	— Я спал великолепно, Шныра , — зевнул Жаворонок. — Сплошные кошмары и смутные грезы — все как обычно.
Terribly restful.”	Замечательно отдохнул.
The priest raised an eyebrow. “Scoot?”	— «Шныра»? — вскинул брови первосвященник .
“Yes,” Lightsong said. “I’ve decided to give you a new nickname.	— Да, — подтвердил Жаворонок. — Я решил дать тебе новую кличку.
Scoot.	Шныра.
Seems to fit you, the way you’re always scooting around, poking into things.”	По-моему, подходящая: вечно шныряешь вокруг, суешься во все подряд.
“I am honored, Your Grace,” Llarimar said, seating himself on a chair.	— Почту за честь, ваша милость, — ответил Лларимар, присаживаясь на стул.
<i>Colors, Lightsong thought. Doesn’t he ever get annoyed?</i>	«Во имя цвета — да можно ли его разозлить?» — подумал Жаворонок.
Llarimar opened his tome.	Лларимар открыл фолиант.
“Shall we begin?”	— Приступим?
“If we must,” Lightsong said.	— Валяй , раз надо, — сказал Жаворонок.
The servants finished tying ribbons, doing up clasps, and draping silks.	Слуги закончили повязывать ленты, застегивать пуговицы и расправлять шелка.
Each bowed and retreated to a side of the room.	Каждый с поклоном удалился к стене .
Llarimar picked up his quill.	Лларимар взял перо.
“What, then, do you remember of your dreams?”	— Итак, что вы запомнили из сновидений?

"Oh, you know." Lightsong flopped back onto one of his couches, lounging. "Nothing really important."	— А, да ты сам знаешь. — Жаворонок, лентяя, снова плюхнулся на кушетку. — Ничего стоящего.
Llarimar pursed his lips in displeasure.	Лларимар недовольно поджал губы.
Other servants began to file in, bearing various dishes of food.	Новые слуги начали вносить разнообразные кушанья.
Mundane, human food.	Обыденную, людскую еду.
As a Returned, Lightsong didn't really need to eat such things—they would not give him strength or banish his fatigue.	Жаворонок, будучи возвращенным, на самом деле не нуждался в таких вещах — подобная пища не придавала сил и не снимала усталость.
They were just an indulgence.	Она была только потворством.
In a short time, he would dine on something far more . . . divine.	Скоро он отобедает кое-чем намного... божественнее.
It would give him strength enough to live for another week.	И укрепится достаточно, чтобы прожить очередную неделю.
"Please try to remember the dreams, Your Grace," Llarimar said in his polite, yet firm, way. "No matter how unremarkable they may seem."	— Ваша милость, потрудитесь запоминать сны, — потребовал Лларимар, как обычно учтиво, но твердо. — Не важно, сколь незначительными они кажутся.
Lightsong sighed, looking up at the ceiling. It was painted with a mural, of course.	Жаворонок вздохнул, смотря в потолок, украшенный, разумеется, фреской.
This one depicted three fields enclosed by stone walls.	На этой изображались три поля, окруженные каменными пажитями.
It was a vision one of his predecessors had seen.	Видение его предшественника.
Lightsong closed his eyes, trying to focus.	Жаворонок закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.
"I . . . was walking along a beach," he said. "And a ship was leaving without me.	— Я... шел по берегу, — произнес он. — А корабль отчаливал без меня.
I don't know where it was going."	Не знаю, где это происходило.
Llarimar's pen began to scratch quickly.	Перо Лларимара принялось быстро царапать.
He was probably finding all kinds of symbolism in the memory.	Наверно, он усмотрел в воспоминании многие символы.
"Were there any colors?" the priest asked.	— Были ли там какие-нибудь цвета? — спросил жрец.
"The ship had a red sail," Lightsong said. "The sand was brown, of course, and the trees green.	— Парус на корабле был красным, — ответил Жаворонок. — Песок — бурый, конечно, а деревья — зелеными.
For some reason, I think the ocean water was red, like the ship."	Мне почему-то кажется, что и вода в океане была красная, да и корабль тоже.
Llarimar scribbled furiously—he always got excited when Lightsong remembered colors.	Лларимар иступленно записывал — он всегда волновался, если Жаворонок припоминал цвета.
Lightsong opened his eyes and stared up at the ceiling and its brightly colored fields.	Возвращенный открыл глаза и уставился на потолок с его яркими полями.
He reached over idly, plucking some cherries off a servant's plate.	С ленцой потянулся и взял у слуги с тарелки несколько ягод.
Why should he begrudge the people his dreams?	Зачем скупиться и скрывать от людей свои сны?
Even if he found divination foolish, he had no right to complain.	Он был не вправе жаловаться, даже если считал глупостью суету вокруг своей особы.
He was remarkably fortunate.	Ему отчаянно повезло.
He had a deific BioChromatic aura, a physique that any man would envy, and enough luxury for ten kings.	Он обладал божественной биохроматической аурой, телосложением, которому позавидует любой мужчина, а роскоши хватало на десяток королей.
Of all the people in the world, he had the least right to be difficult.	Права дуться у него меньше, чем у кого бы то ни было.
It was just that . . . well, he was probably the world's only god who didn't believe in his own religion.	Загвоздка заключалась лишь в том, что... короче говоря, он, наверное, единственный в мире бог, который не верил в себя.

"Was there anything else to the dream, Your Grace?" Llarimar asked, looking up from his book.	— Было ли что-то еще в этом сне, ваша милость? — осведомился Лларимар, оторвавшись от книги.
"You were there, Scoot."	— Там был ты, Шныра.
Llarimar paused, paling just slightly.	Слегка побледнев, Лларимар выдержал паузу.
"I . . . was?"	— Там был... я?
Lightsong nodded.	Жаворонок кивнул:
"You apologized for bothering me all the time and keeping me from my debauchery.	— Ты извинился за то, что постоянно докучаешь мне и не даешь распутиться.
Then you brought me a big bottle of wine and did a dance.	Потом принес большую бутылку вина и сплясал.
It was really quite remarkable."	Это было поистине славно.
Llarimar regarded him with a flat stare.	Лларимар наградил его сумрачным взглядом.
Lightsong sighed.	Жаворонок вздохнул:
"No, there was nothing else.	— Нет, больше ничего.
Just the boat.	Только судно.
Even that is fading."	Даже оно уже тает.
Llarimar nodded, rising and shooing back the servants—though, of course, they remained in the room, hovering with their plates of nuts, wine, and fruit, should any of it be wanted.	Лларимар кивнул и встал, напугав слуг и заставив тех отпрянуть, хотя они, конечно, остались в комнате, держа наготове блюда с орехами, вином и фруктами.
"Shall we get on with it then, Your Grace?" Llarimar asked.	— Тогда, ваша милость, не будем откладывать? — спросил Лларимар.
Lightsong sighed, then rose, exhausted.	Жаворонок вздохнул и утомленно поднялся.
A servant scuttled forward to redo one of the clasps on his robe, which had come undone as he sat.	Слуга метнулся, чтобы поправить застежку, которая разошлась, когда бог садился.
Lightsong fell into step beside Llarimar, towering at least a foot over the priest.	Жаворонок пошел бок о бок с Лларимаром, возвышаясь над жрецом на добрый фут.
The furniture and doorways, however, were built to fit Lightsong's increased size, so it was the servants and priests who seemed out of place.	Однако мебель и дверные проемы подогнали под возросшие габариты возвращенного, так что неуместно низкими выглядели жрецы и прислуга.
They passed from room to room, using no hallways.	Жаворонок с Лларимаром переходили из покоев в покои, не пользуясь коридорами.
Hallways were for servants, and they ran in a square around the outside of the building.	Те предназначались для слуг и окружали здание по периметру.
Lightsong walked on plush rugs from the northern nations, passing the finest pottery from across the Inner Sea.	Жаворонок шагал по пышным коврам, сотканным в северных государствах, мимо прекрасных сервизов и прочей посуды, доставленной из-за Внутреннего моря.
Each room was hung with paintings and gracefully calligraphed poems, created by Hallandren's finest artists.	Каждое помещение украшали картины и каллиграфически выписанные стихи — творения лучших художников Халландрена.
At the center of the palace was a small, square room that deviated from the standard reds and golds of Lightsong's motif. This one was bright with ribbons of darker colors—deep blues, greens, and blood reds.	В центре дворца находилась небольшая квадратная комната, расписанная красками потемнее — синими, густо-зелеными и кроваво-багровыми без красных и золотых цветов Жаворонка.
Each was a true color, directly on hue, as only a person who had attained the Third Heightening could distinguish.	Каждый цвет — истинный, самостоятельный оттенок, и различить его позволяло только третье повышение.
As Lightsong stepped into the room, the colors blazed to life.	Едва Жаворонок ступил в комнату, краски ожили.
They became brighter, more intense, yet somehow remained dark.	Они стали ярче, гуще, при этом оставаясь темными.

The maroon became a more true maroon, the navy a more powerful navy.	Бордовое теперь выглядело более настоящим бордовым , ультрамарин — более насыщенным ультрамарином.
Dark yet bright, a contrast only Breath could inspire.	Темное и одновременно яркое — контраст, создать который мог только дох.
In the center of the room was a child.	Посреди комнаты стоял ребенок.
<i>Why does it always have to be a child?</i> Lightsong thought.	«Почему всегда ребенок?» — подумал Жаворонок.
Llarimar and the servants waited.	Лларимар и слуги ждали.
Lightsong stepped forward, and the little girl glanced to the side, where a couple of priests stood in red and gold robes.	Жаворонок шагнул вперед, и девочка глянула в сторону пары жрецов в красном и золотом облачении.
They nodded encouragingly.	Те поощрительно кивнули.
The girl looked back toward Lightsong, obviously nervous.	Нервничая, девочка вновь повернулась к Жаворонку.
“Here now,” Lightsong said, trying to sound encouraging. “There’s nothing to fear.”	— Ну-ну-ну, — произнес Жаворонок, пытаясь говорить ободряюще. — Бояться-то нечего.
And yet, the girl trembled.	Но девочка все-таки задрожала.
Lecture after lecture—delivered by Llarimar, who had claimed that they were <i>not</i> lectures, for one did not lecture gods—drifted through Lightsong’s head.	В памяти Жаворонка всплыли нотации Лларимара, который твердил, что это вовсе не нотации, ибо никто не читает их богам.
There was nothing to fear from the Returned gods of the Hallandren.	Не следовало бояться возвращенных богов Халландрена.
The gods were a blessing.	Боги были благословением.
They provided visions of the future, as well as leadership and wisdom.	Они прорицали будущее, вели за собой и являлись источниками мудрости.
All they needed to subsist was one thing.	Чтобы существовать, им было нужно только одно.
Breath.	Дохи.
Lightsong hesitated, but his weakness was coming to a head.	Жаворонок колебался, но слабость добралась и до головы.
He felt dizzy.	Она закружилась.
Cursing himself quietly, he knelt down on one knee, taking the girl’s face in his oversized hands.	Украдкой выбравив себя, он опустился на колено и заключил лицо девочки в свои лапищи .
She began to cry, but she said the words, clear and distinct as she had been taught.	Та залилась слезами, но четко и внятно, как научили, произнесла положенные слова:
“My life to yours.	— Моя жизнь — к твоей.
My Breath become yours.”	Мой дох — стань твоим.
Her Breath flowed out, puffing in the air.	Дох вылетел облачком.
It traveled along Lightsong’s arm—the touch was necessary—and he drew it in.	Он прополз по руке Жаворонка — контакт был необходим, — и возвращенный втянул его.
His weakness vanished, the dizziness evaporated. Both were replaced with crisp clarity.	Слабость исчезла, головокружение улетучилось, сменившись кристальной ясностью.
He felt invigorated, revitalized, <i>alive</i> .	Он ощутил себя бодрым, воскресшим, живым.
The girl grew dull.	Девчушка потускнела.
The color of her lips and eyes faded slightly.	Цвет ее губ и глаз слегка увял.
Her brown hair lost some of its luster; her cheeks became more bland.	Каштановые волосы отчасти утратили лоск, щеки стали бледнее.
<i>It’s nothing</i> , he thought. <i>Most people say they can’t even tell that their Breath is gone.</i>	«Ерунда, — подумал он. — Большинство людей даже не понимают, что лишились доха.
<i>She’ll live a full life.</i>	<i>Она доживет до старости.</i>

<i>Happy.</i>	<i>Будет счастлива.</i>
<i>Her family will be well paid for her sacrifice.</i>	<i>Семье хорошо заплатят за ее жертву».</i>
And Lightsong would live for another week.	А Жаворонок проживет очередную неделю.
His aura didn't grow stronger from Breath upon which he fed; that was another difference between a Returned and an Awakener.	Поглощенный дох не усилил его ауру, и это было еще одним отличием возвращенных от пробуждающих.
The latter were sometimes regarded as inferior, man-made approximations of the Returned.	Последних порой рассматривали как низшие, рукотворные подобиya возвращенных.
Without a new Breath each week, Lightsong would die.	Без еженедельного доха Жаворонок умрет.
Many Returned outside of Hallandren lived only eight days.	Многие возвращенные, оказавшиеся вне Халландрена, жили всего восемь дней.
Yet with a donated Breath a week, a Returned could continue to live, never aging, seeing visions at night which would supposedly provide divinations of the future.	Однако с дарованным раз в неделю дохом возвращенный мог жить бесконечно, не старея и получая ночные видения, в которых предположительно прозревалось будущее.
Hence the Court of the Gods, filled with its palaces, where gods could be nurtured, protected, and—most importantly—fed.	Так и возник Двор богов с многочисленными дворцами, где богов выхаживали, охраняли и, главное, кормили.
Priests hustled forward to lead the girl out of the room. <i>It is nothing to her</i> , Lightsong told himself again.	Священники поспешили вывести девочку из комнаты. «Для нее это ерунда, — снова внушил себе Жаворонок. — Сущий пустяк...»
<i>Nothing at all.</i> . . {MQ}Her eyes met his as she left, and he could see that the twinkle was gone from them.	На выходе они встретились взглядами, и он увидел, что искорка в ее глазах погасла.
She had become a Drab.	Она стала бесцветом.
A Dull, or a Faded One.	Тусклой, или выцветшей.
A person without Breath.	Человеком без доха.
It would never grow back.	Тот больше не разовьется.
The priests took her away.	Жрецы увели ее.
Lightsong turned to Llarimar, feeling guilty at his sudden energy.	Чувствуя себя виноватым за внезапный прилив сил, Жаворонок повернулся к Лларимару.
"All right," he said. "Let's see the Offerings."	— Ладно, глянем на подношения, — сказал он.
Llarimar raised an eyebrow over his bespectacled eyes.	Брови Лларимара взлетели над очками.
"You're accommodating all of a sudden."	— Вы приспосабливаетесь стремительно.
<i>I need to give something back</i> , Lightsong thought. <i>Even if it's something useless.</i>	«Я должен хоть что-то отдать, — подумал Жаворонок. — Пусть даже безделицу».
They passed through several more rooms of red and gold, most of which were perfectly square with doors on all four sides.	Они миновали еще несколько красно-золотых комнат, идеально квадратных, с дверями со всех четырех сторон.
Near the eastern side of the palace, they entered a long, thin room.	У восточной части дворца вошли в другую, длинную и узкую.
It was completely white, something very unusual in Hallandren.	Стены увешивали картины и полотнища со стихами.
The walls were lined with paintings and poems. The servants stayed outside; only Llarimar joined Lightsong as he stepped up to the first painting.	Слуги остались снаружи; один Лларимар последовал за Жаворонком, когда бог шагнул к первому изделю.
"Well?" Llarimar asked.	— Итак? — спросил Лларимар.
It was a pastoral painting of the jungle, with drooping palms and colorful flowers.	Это была пастораль, изображавшая джунгли с пониക്ഷими пальмами и красочными цветами.
There were some of these plants in the gardens around the Court of Gods, which was why Lightsong recognized them.	Жаворонок узнал их, потому что видел такие растения в садах вокруг Двора богов.

He'd never actually been to the jungle—at least, not during this incarnation of his life.	А в джунглях он никогда не бывал — по крайней мере, в нынешнем воплощении.
"The painting is all right," Lightsong said. "Not my favorite.	— Приличная картина, — ответил Жаворонок. — Не совсем в моем вкусе.
Makes me think of the outside.	Нагоняет мысли о внешнем мире.
I wish I could visit."	Хорошо бы там побывать.
Llarimar looked at him quizzically.	Лларимар насмешливо взглянул на него.
"What?" Lightsong said. "The court gets old sometimes."	— А что? — не понял Жаворонок. — Двор иногда надоедает.
"There isn't much wine in the forest, Your Grace."	— Вина-то в лесу немного, ваша милость.
"I could make some.	— Я могу приготовить.
Ferment . . . something."	Ферментировать... что-нибудь.
"I'm sure," Llarimar said, nodding to one of his aides outside the room.	— Не сомневаюсь, — сказал Лларимар, кивнув подручным, оставшимся снаружи.
The lesser priest scribbled down what Lightsong had said about the painting.	Младший жрец записал высказывание Жаворонка о картине.
Somewhere, there was a city patron who sought a blessing from Lightsong.	Где-то в городе жил заказчик, искавший благословения Жаворонка.
It probably had to do with bravery—perhaps the patron was planning to propose marriage, or maybe he was a merchant about to sign a risky business deal.	Возможно, его желание было как-то связано с отвагой — клиент подумывал жениться или был купцом и собирался заключить рискованную сделку.
The priests would interpret Lightsong's opinion of the painting, then give the person an augury—either for good or for ill—along with the exact words Lightsong had said.	Жрецы дадут толкование мнению Жаворонка о картине и сообщат заказчику предсказание — доброе или дурное — вкупе с точными словами, которые произнес Жаворонок.
Either way, the act of sending a painting to the god would gain the patron some measure of good fortune.	В любом случае сам акт посылки картины богу сулил заказчику известную удачу.
Supposedly.	Якобы.
Lightsong moved away from the painting.	Жаворонок двинулся прочь от картины.
A lesser priest rushed forward, removing it.	Младший жрец метнулся, чтобы ее снять.
Most likely, the patron hadn't painted it himself, but had instead commissioned it.	Скорее всего, заказчик не написал ее сам, а поручил мастеру.
The better a painting was, the better a reaction it tended to get from the gods.	Чем краше изделие, тем лучше отзывались боги.
One's future, it seemed, could be influenced by how much one could pay one's artist.	Впору было вообразить, будто грядущее определялось суммой, которую клиент платил живописцу.
<i>I shouldn't be so cynical, Lightsong thought. Without this system, I'd have died five years ago.</i>	«Поменьше цинизма, — подумал Жаворонок. — Без этой системы я умер бы пять лет назад».
Five years ago he <i>had</i> died, even if he still didn't know what had killed him.	Пять лет назад он и умер, хотя по сей день не знал от чего.
Had it really been a heroic death?	Была ли его смерть поистине геройской?
Perhaps nobody was allowed to talk about his former life because they didn't want anyone to know that Lightsong the Bold had actually died from a stomach cramp.	Может статься, все разговоры о его прошлой жизни оказались под запретом, дабы никто не проведал, что в действительности Жаворонок Отважный скончался от желудочных колик.
To the side, the lesser priest disappeared with the jungle painting.	Младший жрец исчез вместе с рисованными джунглями.
It would be burned.	Картину сожгут.
Such offerings were made specifically for the intended god, and only he—besides a few of his priests—was allowed to see them.	Такие подношения создавались специально для конкретного бога, и видеть их мог только он да несколько его служителей.
Lightsong moved along to the next work of art on the wall. It was actually a poem, written in the artisan's script.	Жаворонок подошел к следующему произведению искусства — стихотворению, начертанному ремесленным шрифтом.

The dots of color brightened as Lightsong approached.	Когда Жаворонок приблизился, цветные точки сделались ярче.
The Hallandren artisan's script was a specialized system of writing that wasn't based on form, but on color.	Халландренский ремесленный шрифт представлял собой особую систему письма, которая опиралась не на форму, а на цвет.
Each colored dot represented a different sound in Hallandren's language.	Каждая цветная точка соответствовала отдельному звуку халландренского языка.
Combined with some double dots—one of each color—it created an alphabet that was a nightmare for the colorblind.	Сочетание двойных разноцветных точек давало алфавит — кошмар для дальтоникиков.
Few people in Hallandren would admit to having <i>that</i> particular ailment.	В таком заболевании признались бы немногие в Халландрене.
At least, that was what Lightsong had heard.	По крайней мере, так слышал Жаворонок.
He wondered if the priests knew just how much their gods gossiped about the outside world.	Хотелось бы ему знать, известно ли духовенству, как много болтают о внешнем мире его боги.
The poem wasn't a very good one, obviously composed by a peasant who had then paid someone else to translate it to the artisan's script.	Стихотворение было не ахти. Очевидно, его сочинил невежда и потом заплатил кому-то за перевод на ремесленный шрифт.
The simple dots were a sign of this.	Это изобличали простые точки.
True poets used more elaborate symbols, continuous lines that changed color or colorful glyphs that formed pictures.	Настоящие поэты использовали более сложные символы, изменявшие цвет непрерывные линии или цветные глифы, которые складывались в картины.
A lot could be done with symbols that could change shape without losing their meaning.	Много чего можно сделать с символами, способными преобразовать форму, не теряя при этом смысла.
Getting the colors right was a delicate art, one that required the Third Heightening or better to perfect.	Правильное чтение цветов было тонким искусством, требовавшим третьего, а то и большего повышения.
That was the level of Breath at which a person gained the ability to sense perfect hues of color, just as the Second Heightening gave someone perfect pitch.	С таким числом дохов человек обретал способность безупречно различать оттенки — точно так же, как второе повышение наделяло его идеальным слухом.
Returned were of the Fifth Heightening.	Возвращенные достигали пятого.
Lightsong didn't know what it was like to live without the ability to instantly recognize exact shades of color and sound.	Жаворонок не ведал жизни без умения мгновенно распознавать тончайшие оттенки и звуки.
He could tell an ideal red from one that had been mixed with even one drop of white paint.	Он мог отличить чистую красную краску от той, куда добавили всего каплю белой.
He gave the peasant's poem as good a review as he could, though he generally felt an impulse to be honest when he looked at Offerings.	Он отозвался о стихотворении невежды с посылным одобрением, хотя обычно стремился быть честным при осмотре подношений.
It seemed his duty, and for some reason it was one of the few things he took seriously.	Это казалось ему долгом и почему-то было одним из немногих дел, к которым он относился серьезно.
They continued down the line, Lightsong giving reviews of the various paintings and poems.	Они продолжили обход, и Жаворонок высказывался о разнообразных стихах и картинах.
The wall was remarkably full this day.	Сегодня их было необычно много.
Was there a feast or celebration he hadn't heard about?	Какой-то неизвестный ему праздник?
By the time they neared the end of the line, Lightsong was tired of looking at art, though his body—fueled by the child's Breath—continued to feel strong and exhilarated.	Когда они достигли конца экспозиции, искусство утомило Жаворонка, хотя его тело, заправленное дохом ребенка , осталось сильным и бодрым.
He stopped before the final painting.	Он остановился перед последним художеством.
It was an abstract work, a style that was growing more and more popular lately—particularly in paintings sent to him, since he'd given favorable reviews to	Это была абстракция — стиль, недавно набравший популярность, особенно среди картин, посылавшихся Жаворонку, поскольку он ранее благосклонно

others in the past.	отозвался о других.
He almost gave this one a poor grade simply because of that.	И только поэтому он чуть не поставил плохую оценку той, что висела перед ним.
It was good to keep the priests guessing at what would please him, or so some of the gods said.	Пусть духовенство гадают, что ему приглянется, — так посоветовал кто-то из богов.
Lightsong sensed that many of them were far more calculating in the way that they gave their reviews, intentionally adding cryptic meanings.	Жаворонок чуял: многие боги были гораздо расчетливее в своих отзывах, нарочно затуманивая смысл дополнительными значениями.
Lightsong didn't have the patience for such tricks, especially since all anyone ever really seemed to want from him was honesty.	Жаворонку не хватало терпения на такие игрища, тем паче что от него, похоже, единодушно и искренне ждали честности.
He gave this last painting the time it deserved.	Он уделил последнему полотну положенное внимание.
The canvas was thick with paint, every inch colored with large, fat strokes of the brush.	Холст густо покрывала краска, каждый дюйм удостоился мощного взмаха кисти.
The predominant hue was a deep red, almost a crimson, that Lightsong immediately knew was a red-blue mixture with a hint of black in it.	Преобладал темно-красный цвет, почти кармазин, в котором Жаворонок мгновенно угадал смесь красной и синей красок с малой добавкой черной.
The lines of color overlapped, one atop another, almost in a progression.	Цветные разводы пересекались, накладывались один на другой поступательно.
Kind of like . . . waves.	Вроде... волн.
Lightsong frowned.	Жаворонок нахмурился.
If he looked at it right, it looked like a sea.	Если он не ошибается, это море.
And could that be a ship in the center?	И не корабль ли посреди?
Vague impressions from his dream returned to him.	К нему вернулись смутные воспоминания о сне.
A red sea.	Красное море.
The ship, leaving.	Отплывающий корабль.
<i>I'm imagining things</i> , he told himself.	«Мне мерещится», — сказал он себе.
"Good color," he said.	Вслух же отметил: — Хороший цвет.
"Nice patterns.	Приятные узоры.
It puts me at peace, yet has a tension to it as well.	Умиротворяет, но в то же время содержит в себе напряжение.
I approve."	Я одобряю.
Llarimar seemed to like this response.	Ответ, похоже, понравился Лларимару.
He nodded as the lesser priest—who stood a distance away—recorded Lightsong's words.	Он кивнул младшему жрецу, стоявшему в сторонке и записывавшему слова Жаворонка.
"So," Lightsong said. "That's it, I assume?"	— Итак, я полагаю, на этом все? — осведомился Жаворонок.
"Yes, Your Grace."	— Да, ваша милость.
<i>One duty left</i> , he thought.	«Осталась одна обязанность».
Now that Offerings were done, it would be time to move on to the final—and least appealing—of his daily tasks.	Теперь, когда с подношениями разобрались, пришло время перейти к последнему, и менее привлекательному, ежедневному делу.
Petitions.	Прошениям.
He had to get through them before he could get to more important activities, like taking a nap.	Он должен изучить их, прежде чем заняться вещами более важными — вздремнуть, например.
Llarimar didn't lead the way toward the petition hall, however.	Однако Лларимар не пошел в петиционный зал.
He simply waved a lesser priest over, then began to flip through some pages on a clipboard.	Он взмахом руки отпустил помощника и принялся перебирать планшетные листы.

"Well?" Lightsong asked.	— Ну же? — подал голос Жаворонок.
"Well what, Your Grace?"	— Что, ваша милость?
"Petitions."	— Прощения.
Llarimar shook his head.	Лларимар покачал головой:
"You aren't hearing petitions today, Your Grace. Remember?"	— Сегодня вы не выслушиваете прошений, ваша милость. Припоминаете?
"No. I have <i>you</i> to remember things like that for me."	— Нет. У меня есть ты, чтобы помнить о таких вещах.
"Well, then," Llarimar said, flipping a page over, "consider it officially remembered that you have no petitions today. Your priests will be otherwise employed."	— Что ж, в таком случае, — Лларимар перевернул страницу, — считайте, что официально петиций нет. Ваши жрецы займутся другой работой.
"They will?" Lightsong demanded. "Doing what?"	— А именно? — требовательно спросил Жаворонок. — Что они будут делать?
"Kneeling reverently in the courtyard, Your Grace. Our new queen arrives today."	— Благоговейно преклонять колени во дворе, ваша милость. Сегодня прибывает новая королева.
Lightsong froze. <i>I really need to pay more attention to politics.</i>	Жаворонок застыл. «Мне и правда надо подковаться в политике».
"Today?"	— Сегодня?
"Indeed, Your Grace. Our lord the God King will be married."	— Точно так, ваша милость. Наш повелитель Бог-король сочетается браком.
"So soon?"	— Так сразу?
"As soon as she arrives, Your Grace."	— Как только она прибудет, ваша милость.
<i>Interesting</i> , Lightsong thought. <i>Susebron getting a wife.</i>	«Любопытно, — подумал Жаворонок. — Сьюзброн женится».
The God King was the only one of the Returned who could marry. Returned couldn't produce children—save, of course, for the king, who had never drawn a breath as a living man.	Бог-король был единственным возвращенным, способным жениться. Возвращенные не могли производить детей — за исключением, конечно, короля, который никогда не дышал по-людски .
Lightsong had always found the distinction odd.	Эта особенность всегда казалась Жаворонку странной.
"Your Grace," Llarimar said. "We will need a Lifeless Command in order to arrange our troops on the field outside the city to welcome the queen."	— Ваша милость, — произнес Лларимар. — Нам понадобится отдать команду безжизненным, чтобы выстроить войска в поле за городом для приветствия королевы.
Lightsong raised an eyebrow.	Жаворонок изогнул бровь:
"We plan to attack her?"	— Мы нападём на нее?
Llarimar gave him a stern look.	Лларимар послал ему строгий взгляд.
Lightsong chuckled.	Жаворонок усмехнулся.
" Fledgling fruit ," he said, giving up one of the Command phrases that would let others control the city's Lifeless .	— Оперившиеся птенцы , — подал он команду, позволявшую остальным контролировать город безжизненных .
It wasn't the core Command, of course.	То была, конечно, не ключевая команда.
The phrase he'd given to Llarimar would allow a person to control the Lifeless only in noncombat situations, and it would expire one day after its first use.	Слова, которые он произнес перед Лларимаром, позволяли человеку управлять безжизненными в мирных случаях, и их действие выдыхалось через день после первого применения.
Lightsong often thought that the convoluted system of Commands used to control the Lifeless was needlessly complex.	Жаворонку нередко мнилось , что запутанная система команд для управления безжизненными излишне сложна.
However, being one of the four gods to hold Lifeless Commands <i>did</i> make him	Однако он был одним из четырех богов, способных приказывать

rather important at times.	безжизненным, и это порой делало его по-настоящему важным.
The priests began to chat quietly about preparations.	Жрецы начали тихо переговариваться о подготовке .
Lightsong waited, still thinking about Susebron and the impending wedding.	Жаворонок ждал, размышляя о Сьюзбронне и его скором бракосочетании.
He folded his arms and rested against the side of the doorway.	Скрестив руки, он прислонился к косяку.
"Scoot?" he asked.	— Шныра? — окликнул он.
"Yes, Your Grace?"	— Да, ваша милость?
"Did I have a wife?"	— А у меня была жена?
Before I died, I mean."	Пока я не умер, конечно.
Llarimar hesitated.	Лларимар замялся:
"You know I cannot speak of your life before your Return, Lightsong.	— Видите ли. Жаворонок, я не могу говорить о вашей жизни до возвращения.
Knowledge of your past won't do anyone any good."	Осведомленность в прошлом не доведет до добра.
Lightsong leaned his head back, resting it against the wall, looking up at the white ceiling.	Жаворонок запрокинул голову, упершись затылком в стену, и посмотрел на белый потолок.
"I . . . remember a face, sometimes," he said softly. "A beautiful, youthful face.	— Иногда... я вспоминаю лицо, — произнес он тихо. — Прекрасное юное лицо.
I think it might have been her."	Я думаю, это могла быть она.
The priests hushed.	Священники замолчали.
"Inviting brown hair," Lightsong said. "Red lips, three shades shy of the seventh harmonic , with a deep beauty.	— Манящие каштановые волосы, — продолжил Жаворонок. — Красные губы, три оттенка застенчивости седьмой гармонии , неопишуемая красота.
Dark tan skin."	Смуглая кожа.
A priest scuttled forward with the red tome, and Llarimar started writing furiously.	Священнослужитель поспешил поднести красный фолиант, и Лларимар начал лихорадочно писать.
He didn't prompt Lightsong for more information, but simply took down the god's words as they came.	Он не выпрашивал у Жаворонка новых сведений — просто записывал слова бога как есть.
Lightsong fell silent, turning away from the men and their scribbling pens. <i>What does it matter?</i> he thought. <i>That life is gone.</i>	Жаворонок умолк, отвернувшись от людей с их скрипучими перьями. «Какая разница? — подумал он. — Та жизнь прошла.
<i>Instead, I get to be a god. Regardless of my belief in the religion itself, the perks are nice.</i>	Взамен я стал богом. С отличными привилегиями, как бы я ни относился к самой религии».
He walked away, trailed by a retinue of servants and lesser priests who would see to his needs.	Он двинулся прочь, сопровождаемый свитой из слуг и младшего духовенства , готовой всегда и во всем услужить.
Offerings done, dreams recorded, and petitions canceled, Lightsong was free to pursue his own activities.	С подношениями покончено, сны записаны, петиции отменены, и Жаворонок был волен заняться своими делами.
He didn't return to his main chambers.	Он не вернулся в личные покои.
Instead, he made his way out onto his patio deck and waved for a pavilion to be set up for him.	Вместо этого вышел на террасу и подал знак, чтобы ему приготовили шатер.
If a new queen was going to arrive today, he wanted to get a good look at her.	Если сегодня придёт новая королева, её стоит хорошенько рассмотреть.
4	Глава 4
Siri's carriage rolled to a stop outside of T'Telir, capital of Hallandren.	Карета Сири остановилась близ Т'Телира, столицы Халландрена.
She stared out the window and realized something very, very intimidating: Her people had <i>no</i> idea what it meant to be ostentatious.	Она выглянула в окно и увидела картину очень и очень страшную . Её народ не имел ни малейшего представления о парадности .
Flowers weren't ostentatious.	Цветки были проще некуда .

Ten soldiers protecting a carriage was not ostentatious.	Не было вычурности и в десятке солдат, охранявших экипаж.
Throwing a tantrum in public wasn't ostentatious.	Ее прилюдная истерика тоже предстала пустяком.
The field of forty thousand soldiers, dressed in brilliant blue and gold, standing in perfect rows, spears raised high with blue tassels flapping in the wind . . . <i>that</i> was ostentatious.	Поле, заполненное сорока тысячами солдат в голубом и золотом облачении, стоявших безукоризненными рядами с высоко воздетыми копьями с голубыми султанами , трепетавшими на ветру, — вот что выглядело вызывающе.
The twin line of cavalymen atop enormous, thick-hoofed horses, both men and beasts draped with golden cloth that shimmered in the sun.	Двойная шеренга всадников на огромных, с массивными копытами конях — мужчины и бестии , сверкающие на солнце позолотой.
<i>That</i> was ostentatious.	Да, это по-настоящему вычурно.
The massive city, so large it made her mind numb to consider it, domes and spires and painted walls all competing to draw her attention.	Огромный город, который ее сознание не пожелало вобрать и осмыслить; шпили, купола и расписные стены — все это соперничало между собой, привлекая ее внимание.
<i>That</i> was ostentatious.	Все это самодовольно выставлялось напоказ .
She'd thought that she was prepared.	Она-то думала, что подготовилась.
The carriage had passed through cities as they'd made their way to T'Telir.	По дороге в Т'Телир экипаж миновал несколько городов.
She'd seen the painted houses, the bright colors and patterns.	Она повидала разукрашенные дома, яркие краски и узоры.
She'd stayed at inns with plush beds.	Остановливалась в гостиницах с пышными постелями.
She'd eaten foods mixed with spices that made her sneeze.	Вкушала пищу, сдобренную специями, от которых разбирал чих .
She hadn't been prepared for her reception at T'Telir.	Но она не была готова к приему в Т'Телире.
Not at all.	Ни в коей мере.
<i>Blessed Lord of Colors . . . she</i> thought.	«Благословенный повелитель цветов», — подумала она.
Her soldiers pulled in tight around the carriage, as if wishing they could climb inside and hide from the overwhelming sight.	Ее солдаты плотно окружили карету, словно желая укрыться внутри от нестерпимого зрелища.
T'Telir was built up against the shore of the Bright Sea, a large but landlocked body of water.	Т'Телир построили на берегу Яркого моря — большого, но материкового водоема.
She could see it in the distance, reflecting the sunlight, strikingly true to its name.	Оно было видно ей издали и отражало солнце в поразительном согласии со своим названием.
A figure in blue and silver rode up to her carriage.	К карете направился всадник, облаченный в синее с серебром.
His deep robes weren't simple, like the monks wore back in Idris.	Его просторная ряса не выглядела заурядной, как у носивших черное монахов Идриса.
These had massive, peaked shoulders that almost made the costume look like armor.	Надплечья были массивны и приподняты, что делало облачение похожим на доспехи.
He wore a matching headdress.	Наголовник — ему под стать.
That, combined with the brilliant colors and complex layers of the robes, made Siri's hair pale to an intimidated white.	Все это, в сочетании с ослепительными цветами и многочисленными слоями одежды, довело волосы Сири до устрашающей белизны .
The figure bowed.	Верховой поклонился.
"Lady Sisirinah Royal," the man said in a deep voice, "I am Treledees, high priest of His Immortal Majesty, Susebron the Grand, Returned God and King of Hallandren.	— Госпожа королевична Сисирина , — пробасил он, — я Треледиз, первосвященник его бессмертного величества Сюзброн Великого, возвращенного бога и короля Халландрена.
You will accept this token honor guard to guide you to the Court of Gods."	Эта символическая почетная гвардия сопроводит тебя ко Двору богов.
<i>Token?</i> Siri thought.	«Символическая?» — озадачилась Сири.
The priest didn't wait for a response, he just turned his horse and started back	Жрец не стал ждать ответа, развернул скакуна и устремился по большой

down the highway toward the city.	дороге к городу.
Her carriage rolled after him, her soldiers marching uncomfortably around the vehicle.	Ее карета покатила следом, солдаты в растерянности зашагали с боков .
The jungle gave way to sporadic bunches of palm trees, and Siri was surprised to see how much sand was mixed with the soil.	Джунгли сменились разрозненными кучами пальм, и Сири подивилась, как много было в почве песка.
Her view of the landscape soon grew obstructed by the vast field of soldiers who stood at attention on either side of the road.	Обзор ей вскоре перекрыло огромное поле с солдатами, бдительно выстроившимися вдоль дороги.
"Austre, God of Colors!" one of Siri's guards whispered. "They're Lifeless!"	— Остр, бог цвета! — прошептал один телохранитель. — Они безжизненные!
Siri's hair—which had begun to drift to auburn—snapped back to fearful white.	Волосы Сири, которые уже вновь стали окрашиваться в рыжеватый цвет, вернулись к белому, выдававшему ужас.
He was right.	Охранник прав.
Under their colorful uniforms, the Hallandren troops were a dull grey.	Под цветастыми мундирами халландренские воины были тусклы и серы.
Their eyes, their skin, even their hair: all had been drained completely of color, leaving behind a monochrome.	ПРОПУЩЕНО
<i>Those can't be Lifeless!</i> she thought. <i>They look like men!</i>	«Не может быть, они не безжизненные, — подумала она. — Совсем как люди!»
She'd imagined Lifeless as skeletal creatures, the flesh rotting and falling from the bones.	Сири представляла безжизненных в виде скелетов, с которых осыпается гниющая плоть.
They were, after all, men who had died, then been brought back to life as mindless soldiers.	В конце концов, это были погибшие мужи , которых вернули к жизни, сделав безмозглыми солдатами.
But these that she passed looked so human.	Но эти выглядели подлинными людьми .
There was nothing to distinguish them save for their lack of color and the stiff expressions on their faces.	Они отличались только бесцветностью и каменными лицами.
That, and the fact that they stood unnaturally motionless.	И еще неестественной неподвижностью.
No shuffling, no breathing, no quivers of muscle or limb.	Ни шевеления, ни дыхания, ни дрожи в мышцах и конечностях.
Even their eyes were still.	Застыли даже глаза.
They seemed like statues, particularly considering their grey skin.	Воины напоминали изваяния, особенно серой кожей.
<i>And . . . I'm going to marry one of these things?</i> Siri thought.	«И... я должна выйти замуж за подобное существо?» — подумала Сири.
But no, Returned were different from Lifeless, and both were different from Drabs, which were people who had lost their Breath.	Но нет, возвращенные отличались от безжизненных, а те и другие — от бесцветов, которыми были люди, лишившиеся дыхов .
She could vaguely remember a time when someone back in her village had Returned.	Она смутно помнила случай, когда возвращенный пришел в их селение.
It had been nearly ten years back, and her father hadn't let her visit the man.	Это случилось почти десять лет назад, и отец не пустил ее к этому человеку.
She did recall that he'd been able to speak and interact with his family, even if he hadn't been able to remember them.	Она не нашла в себе силы потолковать и сойтись с его родными , хотя он их даже не помнил.
He'd died again a week later.	Через неделю он умер заново.
Eventually, her carriage passed through the ranks of Lifeless.	Карета наконец миновала шеренги безжизненных.
The city walls were next; they were immense and daunting, yet they almost looked more artistic than functional.	Дальше выросли городские стены: они были огромны и устрашающи, но все же казались произведением искусства, а не обычными укреплениями.
The wall's top was curved in massive half-circles, like rolling hills, and the rim	Их верхняя часть с золотой каймой представляла собой полукружия,

was plated with a golden metal.	напоминавшие холмы.
The gates themselves were in the form of two twisting, lithe sea creatures who curved up in a massive archway.	Сами ворота имели форму двух извивающихся грациозных морских существ, которые образовывали просторный арочный проход.
Siri passed through them, and the guard of Hallandren cavalrymen—who appeared to be living men—accompanied her.	Сири прошла сквозь них в сопровождении халландренских кавалеристов, оказавшихся живыми людьми.
She had always thought of Hallandren as a place of death.	Она всегда считала Халландрен гибельным местом.
Her impressions were based on stories told by passing ramblemen or by old women at the winter hearth.	Ее впечатления опирались на рассказы прохожих шатунов и старух зимой у камина.
They spoke of city walls built from skulls, then painted with sloppy, ugly streaks of color.	Они утверждали, что городские стены построили из черепов, а после неряшливо расписали безобразными красками.
She'd imagined the buildings inside splattered with different clashing hues.	Она рисовала в воображении здания, пестреющие дисгармоничными потеками красок.
Obscene.	Мерзко и непристойно.
She'd been wrong.	Она заблуждалась.
True, there <i>was</i> an arrogance to T'Telir.	Да, T'Tелир был претенциозен.
Each new wonder seemed as if it wanted to grab her attention and shake her about by her eyes.	Казалось, что каждое новое диво стремится завладеть ее вниманием и потрясти взор.
People lined the street —more people than Siri had seen in her entire life—crowding together to watch her carriage.	Люди на улицах собирались в толпы — таких больших Сири не видела отродясь, — чтобы взглянуть на ее экипаж.
If there were poor among them, Siri couldn't tell, for they all wore brightly colored clothing.	Была ли среди них беднота, Сири затруднялась ответить, ибо все одевались в красочные наряды.
Some did have more exaggerated outfits—probably merchants, since Hallandren was said to have no nobility beyond its gods—but even the simplest of clothing had a cheerful brightness to it.	Некоторые выделялись — вероятно, купцы, поскольку сказывали , что в Халландрене нет знати помимо богов, но даже простейшие платья пестрели красками.
Many of the painted buildings did clash, but none of it was sloppy.	Большинство рисунков дисгармонировало друг с другом, но неряшливых не было.
There was a sense of craftsmanship and art to everything from the storefronts, to the people, to the statues of mighty soldiers that frequently stood on corners.	Мастерством и искусством лучились все витрины, люди, статуи богатырей , которые часто встречались на перекрестках.
It was terribly overwhelming.	Это был чудовищный перебор.
Garish.	Неописуемая аляповатость.
A vibrant, enthusiastic garishness.	Животрепещущая, вдохновенная безвкусица.
Siri found herself smiling—her hair turning a tentative blond—though she felt a headache coming on.	Сири поймала себя на том, что улыбается, — ее волосы на пробу посветлели, хотя голова уже грозила разболеться.
<i>Maybe . . . maybe this is why Father sent me, Siri thought. Training or no training, Vivenna would never have fit in here. But I've always been far too interested in color.</i>	«Может, как раз поэтому отец и отправил меня сюда, — подумала Сири. — Готовую или нет. Вивенне нипочем сюда не вписаться, зато меня всегда привлекали цвета».
Her father was a good king with good instincts.	Отец был хорошим человеком с верным чутьем.
What if—after twenty years of raising and training Vivenna—he had come to the conclusion that she wasn't the right one to help Idris?	Вдруг после двадцати лет воспитания и обучения Вивенны он пришел к выводу, что спасать Идрис — не ее дело?
Was that why, for the first time in their lives, Father had chosen Siri over Vivenna?	И потому впервые в жизни предпочел ей Сири?
<i>But, if that's true, what am I supposed to do?</i> She knew that her people feared	«Но если это правда, что мне делать?» Она знала: ее народ боится

Hallandren would invade Idris, but she couldn't see her father sending one of his daughters if he believed war was close.	вторжения Халландрена, но не понимала, как мог отец послать туда дочь, считая, что война на носу.
Perhaps he hoped that she'd be able to help ease the tensions between the kingdoms?	Быть может, он надеялся, что ей удастся разрядить напряжение, возникшее между двумя королевствами?
That possibility only added to her anxiety.	Такая вероятность только усилила ее тревогу.
Duty was something unfamiliar to her, and not a little unsettling.	Чувство долга было ей чуждо и не особенно интересно.
Her father trusted her with the very fate and lives of their people.	Оно выбивало из колеи. Отец доверил ей судьбу их народа.
She couldn't run, escape, or hide.	От этого не убежать и не спрятаться.
Particularly from her own wedding.	Тем более после свадьбы.
As her hair tinged white with fear at what was coming, she diverted her attention to the city again.	Ее волосы побелели от предстоящего, и, чтобы отвлечься, она вновь принялась разглядывать город.
It wasn't hard to let it take her attention.	Тому было легко завладеть ее вниманием.
It was enormous, sprawling like a tired beast curled around and over hills.	Он был необъятен и навалился на холмы , как утомленный зверь.
As the carriage climbed the southern section of town, she could see—through gaps in the buildings—that the Bright Sea broke into a bay before the city.	Когда карета въехала в южный район, она увидела в проемах между зданиями бухту Яркого моря.
T'Telir curved around the bay, running right up to the water, forming a crescent shape.	T'Телир окружал его , спускаясь полумесяцем к самой воде.
The city wall, then, only had to run in a half-circle, abutting the sea, keeping the city boxed in.	Городской же стены хватало и половины, полукруг которой граничил с морем и держал столицу на замке.
It didn't seem cramped.	Не казалось, что в городе тесно.
There was a lot of open space in the city—malls and gardens, large swaths of unused land.	В нем хватало открытых пространств — садов и аллей, больших участков незастроенной земли.
Palms lined many of the streets and other foliage was common.	Многие улицы обсадили пальмами, была и другая зелень.
Plus, with the cool breeze coming over the sea, the air was a lot more temperate than she had expected.	К тому же, несмотря на прохладный бриз, задувавший с моря, в городе оказалось намного теплее, чем ожидала Сири.
The road led up to a seaside overlook within the city, a small plateau that had an excellent view.	Дорога, уходившая к воде , приводила на маленькое плато с превосходным видом, откуда обеспечивался обзор города сверху.
Except the entire plateau was surrounded by a large, obstructive wall.	Вдобавок плато окружала высокая и прочная стена.
Siri watched with growing apprehension as the gates to this smaller city-within-a-city opened up to let the carriage , soldiers, and priests enter.	Сири с растущим трепетом взирала на ворота меньшего, внутреннего городка, куда тянулись кареты , солдаты и духовенство.
The common people stayed outside.	Простолюдины остались снаружи.
There was another wall inside, a barrier to keep anyone from seeing in through the gate.	Внутри находилась еще одна стена — преграда, не позволявшая никому заглядывать за ворота.
The procession turned left and rounded the blinding wall, entering the Hallandren Court of Gods: an enclosed, lawn-covered courtyard.	Процессия свернула налево и обогнула глухую стену, вступив на просторную лужайку халландренского Двора богов.
Several dozen enormous mansions dominated the enclosure, each one painted a distinct color.	Там доминировало несколько огромных особняков, и каждый был расписан в свои цвета.
At the far end of the court was a massive black structure, much taller than the other buildings.	В дальнем конце двора стояло массивное черное сооружение намного выше прочих зданий.
The walled courtyard was quiet and still.	В обнесенном стенами внутреннем дворе царили тишина и спокойствие.
Siri could see figures sitting on balconies, watching her carriage roll across the grass.	Сири видела сидящие на балконах фигуры, которые наблюдали за движением ее кареты.

In front of each of the palaces, a crew of men and women knelt prostrate on the grass.	Перед каждым дворцом пали ниц мужчины и женщины.
The color of their clothing matched that of their building, but Siri spared little time to study them .	Цвета их одежд соответствовали окраске зданий, но Сири не стала тратить время на осмотр .
Instead, she nervously peered at the large, black structure. It was pyramidal, formed of giant steplike blocks.	Она нервно рассматривала черное строение — пирамидальной формы, составленное из гигантских ступенчатых блоков.
<i>Black, she thought. In a city of color.</i>	«Черное, — подумала она. — В городе красок».
Her hair paled even further.	Ее волосы побелели еще сильнее.
She suddenly wished she were more devout.	Сири вдруг пожелала себе побольше набожности.
She doubted Austre was all that pleased with her outbursts, and most days she even had trouble naming the Five Visions.	Она сомневалась, что Остра радовали ее выкрутасы , и зачастую с трудом перечисляла даже пять видений.
But he'd watch over her for the sake of her people, wouldn't he?	Но неужели он не присмотрит за ней ради народного блага ?
The procession pulled to a stop at the base of the enormous triangular building.	Процессия остановилась у подножия исполинского треугольного здания.
Siri looked up through the carriage window at the shelves and knobs at the summit, which made the architecture seem top-heavy .	Сири взглянула из кареты на площадки и выступы, из-за которых строение казалось неустойчивым .
She felt as if the dark blocks would come tumbling down in an avalanche to bury her.	Ей померещилось, что черные блоки вот-вот сойдут лавиной и похоронят ее.
The priest rode his horse back up to Siri's window.	К оконцу Сири подъехал жрец.
The cavalymen waited quietly, the shuffling of their beasts the only sound in the massive, open courtyard.	ПРОПУЩЕНО
"We have arrived, Vessel," the man said. "As soon as we enter the building, you will be prepared and taken to your husband."	— Мы прибыли, Сосуд, — произнес он. — Как только войдем в здание, тебя подготовят и отведут к мужу.
"Husband?" Siri asked uncomfortably. "Won't there be a wedding ceremony?"	— К мужу? — с неловкостью переспросила Сири. — А свадебной церемонии не будет?
The priest smirked.	Жрец усмехнулся:
"The God King does not need ceremonial justification. You became his wife the moment he desired it."	— Бог-король не нуждается в церемониальном утверждении . Ты станешь его женой в тот миг, когда он этого возжелает.
Siri shivered.	Сири содрогнулась:
"I was just hoping that maybe I could see him, before, you know . . ."	— Я лишь надеялась увидеть его до того, как он, понимаете...
The priest shot her a harsh look.	Священник сурово взглянул на нее:
"The God King does not perform for your whims, woman.	— Женщина, Богу-королю неинтересны твои капризы.
You are blessed above all others, for you will be allowed to touch him—if only at <i>his</i> discretion.	Ты благословенна превыше всех, ибо получишь право прикоснуться к нему — хоть и с его разрешения.
Do not pretend that you are anything other than you are.	Не строй из себя неизвестно кого.
You have come because he desires it, and you will obey.	Ты явилась, потому что он этого желает, и подчинишься.
Otherwise, you will be put aside and another will chosen in your place—which, I think, might bode unfavorably for your rebel friends in the highlands."	Иначе тебя отвергнут и выберут другую, а это, мне кажется, невыгодно твоим мятежным друзьям с Высот.
The priest turned his horse, then clopped his way toward a large stone ramp, leading up to the building.	Священник развернул лошадь, и цокот копыт удалился в сторону широкого наклонного въезда, ведущего в здание.
The carriage lurched into motion, and Siri was drawn toward her fate.	Карета тронулась, и Сири устремилась навстречу судьбе.
5	Глава 5
<i>This will complicate things</i> , Vasher thought, standing in the shadows atop the	«Это осложнит положение», — подумал Вашер, стоявший в тени на стене,

wall that enclosed the Court of Gods.	которая окружала Двор богов.
<i>What's wrong?</i> Nightblood asked. <i>So the rebels actually sent a princess.</i>	«А что не так? — удивился Ночной Хищник. — Мятежники и впрямь прислали принцессу.
<i>Doesn't change your plans.</i>	<i>Это не нарушает твоих планов».</i>
Vasher waited, watching, as the new queen's carriage crept up the incline and disappeared into the palace's maw.	Вашер ждал, наблюдая, как экипаж новоявленной королевы ползет по пандусу и скрывается в пасти дворца.
<i>What?</i> Nightblood demanded.	«В чем дело?» — не отставал Ночной Хищник.
Even after all of these years, the sword reacted like a child in many ways.	Прошло немало лет, но меч во многом остался ребенком.
<i>She'll be used,</i> Vasher thought. <i>I doubt we'll be able to get through this without dealing with her.</i>	«Ее используют, — подумал Вашер. — Я сомневаюсь, что без нее мы справимся с делом».
He hadn't believed that the Idrians would actually send royal blood back to T'Telir.	Он не верил, что идрийцы решатся вернуть в Т'Телир королевскую кровь.
They'd given up a pawn of terrible value.	Они согласились на неслыханный залог.
Vasher turned away from the court, wrapping his sandaled foot around one of the banners that ran down the outside of the wall.	Вашер отвернулся от двора и обхватил обутой в сандалию ногой свисавший со стены стяг.
Then he released his Breath.	Затем выдал дох .
"Lower me," he Commanded.	— Спусти меня, — приказал он.
The large tapestry—woven from wool threads—sucked hundreds of Breaths from him.	Большой шерстяной гобелен, сотканный из сотен нитей, всосал сотни дохов.
It hadn't the form of a man, and it was massive in size, but Vasher now had enough Breath to spend in such extravagant Awakenings.	Он не стал формировать человека, однако результат впечатлял размерами — у Вашера теперь было много дохов для мудреных пробуждений.
The tapestry twisted, a thing alive, and formed a hand, which picked Vasher up.	Оживший гобелен свернулся, преобразившись в ладонь, которая подхватила Вашера.
As always, the Awakening tried to imitate the form of a human—looking closely at the twistings and undulations of the fabric, Vasher could see outlines of muscles and even veins.	Как всегда, пробуждение потребовало человеческих очертаний, и Вашер, глядя на матерчатые изгибы и выпуклости, отметил контуры мышц и даже вен.
There was no need for them; the Breath animated the fabric, and no muscles were necessary for it to move.	В них не было нужды, дох оживил полотно, и для движения не требовались мускулы.
The tapestry carefully carried Vasher down, pinching him by one shoulder, placing his feet on the street.	Гобелен аккуратно перенес Вашера вниз и придержал за плечо, чтобы он устоял на ногах.
"Your Breath to mine," Vasher Commanded.	— Твой дох — ко мне, — скомандовал Вашер.
The large banner-tapestry lost its animate form immediately, life vanishing, and it fluttered back against the wall.	Огромный стяг-гобелен мгновенно утратил живую форму, жизнь улетучилась из него, и он порхнул обратно к стене.
Some few people paused in the street, yet they were interested, not awed.	Несколько зевак помедлили, но не выказали ни интереса, ни благоговения .
This was T'Telir, home of the gods themselves.	Здесь был Т'Телир, обитель богов.
Men with upward of a thousand Breaths were uncommon, but not unheard of.	Люди с тысячами дохов встречались редко, но о них были наслышаны .
The people gawked—as peasants in other kingdoms might pause to watch the carriage of a passing lord—but then they moved on with their daily activities.	Зеваки опешили — так деревенщина обмирает перед господской каретой, — но после занялись обыденными делами.
The attention was unavoidable.	Внимания избежать было трудно.
Though Vasher still dressed in his usual outfit—ragged trousers, well-worn cloak despite the heat, a rope wrapped several times around his waist for a belt—he now caused colors to brighten dramatically when he was near.	Хотя Вашер оделся на обычный лад — бахромчатые брюки и, несмотря на жару, заношенный плащ, который несколько раз подпоясал веревкой . Теперь он оживлял краски, и те резко густели, стоило ему оказаться

	поблизости.
The change would be noticeable to normal people and blatantly obvious to those of the First Heightening.	Изменения замечали даже простолюдины, не говоря о тех, кто достиг первого повышения.
His days of being able to hide and skulk were gone.	Дни прятков миновали.
He'd have to grow accustomed to being noticed again.	Придется снова привыкать быть заметным.
That was one of the reasons he was glad to be in T'Telir.	Это одна из причин, по которым он радовался T'Tелиру.
The city was large enough and filled with enough oddities—from Lifeless soldiers to Awakened objects serving everyday functions—that he probably wouldn't stand out <i>too</i> much.	Город был велик и полон разнообразных странностей — от безжизненных солдат до пробужденных предметов, выполняющих обыденные функции; возможно, он и не будет чересчур выделяться.
Of course, that didn't take Nightblood into account.	Конечно, при этом не учитывался Ночной Хищник.
Vasher moved through the crowds, carrying the overly heavy sword in one hand, sheathed point nearly dragging on the ground behind him.	Вашер пробирался через толпу, небрежно таща за собой меч и едва не царапая ножнами землю.
Some people shied away from the sword immediately.	Одни прохожие шарахались.
Others watched it, eyes lingering far too long.	Другие рассматривали его, чрезмерно задерживая взгляд.
Perhaps it was time to stuff Nightblood back in the pack.	Наверно, следовало снова упаковать меч.
<i>Oh, no you don't</i> , Nightblood said. <i>Don't even start thinking about that.</i>	«О нет, не надо, — взмолился Ночной Хищник. — Даже не думай!
<i>I've been locked away for too long.</i>	<i>Я слишком долго сидел взаперти».</i>
<i>What does it matter to you?</i> Vasher thought.	«Тебе-то что?» — мысленно осведомился Вашер.
<i>I need fresh air</i> , Nightblood said. <i>And sunlight.</i>	«Мне нужен свежий воздух, — объяснил Ночной Хищник. — И солнечный свет».
<i>You're a sword</i> , Vasher thought, <i>not a palm tree.</i>	«Ты меч, а не пальма», — подумал Вашер.
Nightblood fell silent.	Ночной Хищник заткнулся.
He was smart enough to realize that he was not a person, but he didn't like being confronted with that fact.	Ему хватало ума для понимания, что он не человек, но не нравилось, когда об этом напоминали.
It tended to put him in a sullen mood. That suited Vasher just fine.	Это повергало его в мрачное настроение, которое вполне устраивало Вашера.
He made his way to a restaurant a few streets down from the Court of Gods.	Он дошел до ресторана, что находился за несколько улиц от Двора богов.
This was one thing he <i>had</i> missed about T'Telir: restaurants.	Вот по чему он стосковался — по ресторанам.
In most cities, there were few dining options.	В большинстве городов и пообедать негде.
If you intended to stay for a while, you hired a local woman to give you meals at her table.	Если ты прибывал ненадолго, находил хозяйку с комнатой и столом.
If you stayed a short time, you ate what your innkeeper gave you.	Если задерживался — кормился на постоялом дворе.
In T'Telir, however, the population was large enough—and rich enough—to support dedicated food providers.	Однако T'Tелир был густо населен и достаточно богат, чтобы содержать особых поставщиков пищи.
Restaurants still hadn't caught on in the rest of the world, but in T'Telir, they were commonplace.	Рестораны еще не захватили весь мир, но успели примелькаться в T'Tелире.
Vasher already had a booth reserved, and the waiter nodded him to the spot.	Вашер уже заказал кабинку, и официант кивнул ему на отведенное место.
Vasher settled himself, leaving Nightblood up against the wall.	Вашер уселся, приставив Ночного Хищника к стене.
The sword was stolen within a minute of his letting go of it.	Не прошло и минуты, как меч украли.
Vasher ignored the thievery, thoughtful as the waiter brought him a warm cup of citrus tea.	Вашер оставил кражу без внимания и пребывал в задумчивости, когда официант принес ему чашку чая с лимоном.
Vasher sipped at the sweetened liquid, sucking on the bit of rind, wondering why	Он отпил подслащенную жидкость и чуть обсосал кожуру, раздумывая,

in the world a people who lived in a tropical lowland preferred heated teas.	почему жители тропической низины предпочитают горячий чай.
After a few minutes, his life sense warned him that he was being watched.	Через несколько минут его согрело понимание того, что за ним следят.
Eventually, that same sense alerted him that someone was approaching.	В итоге то же чувство оповестило его о чем-то приближении.
Vasher slipped his dagger from his belt with his free hand as he sipped.	Вашер извлек из пояса кинжал, в свободной руке продолжая держать чашку.
The priest sat down opposite Vasher in the booth.	Жрец уселся в кабинке напротив Вашера.
He wore street clothing, rather than religious robes.	Вместо рясы на нем была уличная одежда.
However—perhaps unconsciously—he had still chosen to wear the white and green of his deity.	Но, может быть бессознательно, он все же выбрал белые и зеленые цвета своего божества.
Vasher slipped his dagger back into its sheath, masking the sound by taking a loud sip.	Кинжал Вашера скользнул обратно в ножны, и Вашер замаскировал лязг шумным глотком.
The priest, Bebid, looked about nervously.	У жреца Бебида был нервный вид .
He had enough of a Breath aura to indicate that he'd reached the First Heightening.	Ему хватало дохновенной ауры, чтобы продемонстрировать первое повышение.
It was where most people—those who could afford to buy Breath—stopped.	На этом многие, не будучи в силах купить себе дох, останавливались.
That much Breath would extend their lifespan by a good decade or so and give them an increased life sense.	Такое количество дохов продлевало им жизнь лет на десять и заставляло чувствовать ее необычайно остро.
It would also let them see Breath auras and distinguish other Awakeners, and—in a pinch—let them do a little Awakening themselves.	Оно также позволяло им видеть дохновенные ауры и узнавать других пробуждающих, а кроме того, немного пробуждать самостоятельно.
A decent trade for spending enough money to feed a peasant family for fifty years.	Славная сделка — потратить сумму, которой бедняцкой семье хватило бы на пятьдесят лет.
"Well?" Vasher asked.	— Ну? — спросил Вашер.
Bebid actually jumped at the sound.	Бебид подскочил.
Vasher sighed, closing his eyes.	Вашер вздохнул, прикрывая глаза.
The priest was not accustomed to these kinds of clandestine meetings.	Жрец не привык к тайным встречам.
He wouldn't have come at all, had Vasher not exerted certain . . . pressures on him.	Он бы и вовсе не пришел, не окажи на него Вашер определенного... нажима.
Vasher opened his eyes, staring at the priest as the waiter arrived with two plates of spiced rice.	Когда официант принес две тарелки с приправленным специями рисом, Вашер открыл глаза и принялся рассматривать жреца.
Tektees food was the restaurant's specialty—the Hallandren liked foreign spices as much as they liked odd colors.	Ресторан специализировался на вычурных блюдах — халландренцам нравились заморские специи, как и причудливые цвета.
Vasher had placed the order earlier, along with a payment that would keep the surrounding booths empty.	Вашер сделал заказ заранее и заплатил за то, чтобы соседние кабинки пустовали.
"Well?" Vasher repeated.	— Ну же? — повторил Вашер.
"I . . ." Bebid said. "I don't know.	— Я... — пролепетал Бебид. — Не знаю.
I haven't been able to find out much."	Мне мало что удалось выяснить.
Vasher regarded the man with a stern stare.	Вашер наградил его жестким взглядом.
"You have to give me more time."	— Дай вы побольше времени...
"Remember your indiscretions, friend," Vasher said, drinking the last of his tea, feeling a twinge of annoyance. "Wouldn't want news of those getting out, would we?"	— Дружище, вспомните о ваших промахах, — ответил Вашер, отпивая чай и раздражаясь . — Нам же не нужно, чтобы они всплыли?
<i>Do we have to go through this again?</i>	Неужели опять повторять пройденное?

Bebid was quiet for a time.	Бebид какое-то время молчал.
"You don't know what you're asking, Vasher," he said, leaning in. "I'm a priest of Brightvison the True.	— Вы не знаете, о чем просите, Вашер, — процедил он, подавшись вперед. — Я слугитель Ясновидца Истинного.
I can't betray my oaths!"	Я не могу нарушить обеты!
"Good thing I'm not asking you to."	— Отлично, я вас об этом и не прошу.
"We're not supposed to release information about court politics."	— Нам нельзя разглашать политику двора.
"Bah," Vasher snapped. "Those Returned can't so much as <i>look</i> at one another without half of the city learning about it within the hour."	— Ха! — отрезал Вашер. — Возвращенные и глянуть друг на друга не могут — весь город узнает об этом спустя полчаса.
"Surely you're not implying—" Bebid said.	— Но вы же не хотите сказать... — начал Бebид.
Vasher gritted his teeth, bending his spoon with his finger in annoyance.	Вашер раздосадованно стиснул зубы, согнув пальцем ложку.
"Enough, Bebid!"	— Довольно, Бebид!
We both know that your oaths are all just part of the game." He leaned in. "And I <i>really</i> hate games."	Мы оба знаем, что ваши обеты лишь часть игры. — Он наклонился вперед. — А игры я ненавижу всем сердцем.
Bebid paled and didn't touch his meal.	Бледный Бebид не прикасался к еде.
Vasher eyed his spoon with annoyance, then bent it back, calming himself.	Вашер раздраженно разглядел свою ложку и разогнул ее, успокаиваясь.
He shoveled in a spoonful of rice, mouth burning from the spices.	Он зачерпнул рис, и специи обожгли рот.
He'd didn't believe in letting food sit around uneaten—you never knew when you'd have to leave in a hurry.	Он никогда не оставлял ни крошки — нельзя предугадать, в какую минуту тебя застигнет голод.
"There have been . . . rumors," Bebid finally said. "This goes beyond simple court politics, Vasher—beyond games played between gods.	— Ходили... слухи, — наконец сказал Бebид. — Это выходит за грань обычной придворной политики, Вашер, за рамки игр, в которые играют боги.
This is something very real, and <i>very</i> quiet.	Это нечто донельзя реальное и усердно замалчиваемое.
Quiet enough that even observant priests only hear hints of it."	Даже внимательным жрецам доступны только намеки.
Vasher continued to eat.	Вашер слушал.
"There is a faction of the court pushing to attack Idris," Bebid said. "Though I can't fathom why."	— При дворе существует фракция, подталкивающая к нападению на Идрис, — сообщил Бebид. — Хотя я не представляю зачем.
"Don't be an idiot," Vasher said, wishing he had more tea to wash down the rice. "We both know Hallandren has sound reasons to slaughter every person up in those highlands."	— Не будьте кретином, — возразил Вашер, спросив еще чая, чтобы смыть рис в пищевод. — Нам обоим известно, что у Халландрена есть веские причины перебить горцев.
"Royals," Bebid said.	— Королевские особы, — произнес Бebид.
Vasher nodded.	Вашер кивнул.
They were called rebels, but those "rebels" were the true Hallandren royal family.	Их называли мятежниками, но они были истинными халландренцами.
Mortal men though they might be, their bloodline was a challenge to the Court of Gods.	Смертными, однако их кровь бросала вызов Двору богов.
Any good monarch knew that the first thing you did to stabilize your throne was execute anyone who had a better claim to it than you did.	Любой толковый монарх понимал: в первую очередь следует укрепить трон, то есть казнить всех, кто на него посягнет по большому праву.
After that, it was usually a good idea to execute everyone who <i>thought</i> they might have claim.	После этого обычно рождалась удачная мысль: казнить всех, кто таким претендентом лишь кажется.
"So," Vasher said. "You fight, Hallandren wins.	— Значит, — сказал Вашер, — вы воюете, Халландрен побеждает.
What's the problem?"	В чем проблема?
"It's a bad idea, that's the problem," Bebid said. "A <i>terrible</i> idea.	— В том, что это дурная затея, — ответил Бebид. — Ужасная.

Kalad's Phantoms, man!	Помилуйте — призраки Калада!
Idris won't go easily, no matter what people in the court say.	Идрис не сдастся легко, что бы ни говорили при дворе.
This won't be like squashing that fool Vahr.	Это вам не подавление глупого Вахра .
The Idrians have allies from across the mountains and the sympathies of dozens of kingdoms.	У идрийцев есть за горами союзники и симпатии дюжины королевств.
What some are calling a 'simple quelling of rebel factions' could easily spin into another Manywar.	То, что мы называем «обычным уничтожением мятежной фракции», запросто может перерасти в новую Панвойну.
Do you want that?	Вам этого хочется?
Thousands upon thousands dead?	Тысячи тысяч трупов?
Kingdoms falling to never rise again?	Королевства, которые рушатся, чтобы уже не восстать?
All so we can grab a little bit of frozen land nobody really wants."	А все, что нам достанется, — клочок промерзшей земли, в действительности никому не нужный.
"The trade passes are valuable," Vasher noted.	— Торговые пути обладают ценностью, — заметил Вашер.
Bebid snorted.	Бebид фыркнул:
"The Idrians aren't foolish enough to raise their tariffs <i>too</i> high.	— Идрийцы не так глупы, чтобы не взвинтить пошлины до заоблачных высот.
This isn't about money.	Все дело в деньгах.
It's about fear.	В страхе.
People in the court talk about what <i>might</i> happen if the Idrians cut off the passes or what <i>may</i> happen if the Idrians let enemies slip through and besiege T'Telir.	При дворе судачат о том, что могло бы случиться, перекрой идрийцы пути, или о том, что может произойти, если они пропустят врагов и осадят Т'Телир.
If this were about money, we'd never go to war.	Дело не только в деньгах, иначе не было бы речи о войне.
Hallandren thrives on its dye and textiles trade.	Халландрен процветает, торгуя красками и текстилем.
You think that business would boom in war?	По-вашему, этот бизнес расцветет во время войны?
We'd be lucky not to suffer a full economic collapse."	Разовьется? Нам повезет, если нас не постигнет полный экономический крах.
"And you assume that I care about Hallandren's economic well-being?" Vasher asked.	— И вы считаете, что мне есть какое-то дело до экономического благополучия Халландрена? — хмыкнул Вашер.
"Ah, yes," Bebid said dryly. "I forgot who I was talking to.	— Ах да, — сухо отозвался Бebид. — Совсем забыл, с кем разговариваю.
What <i>do</i> you want, then?	Тогда чего же вы хотите?
Tell me so we can get this over with."	Скажите, и делу конец.
"Tell me about the rebels," Vasher said, chewing on rice.	— Расскажите о повстанцах, — попросил Вашер, прожевывая рис.
"The Idrians?	— Об идрийцах?
We just talked—"	Мы же только что обсудили...
"Not them," Vasher said. "The ones in the city."	— Не о тех, — возразил Вашер. — О других, в городе.
"They're unimportant now that Vahr is dead," the priest said with a wave of his hand. "Nobody knows who killed him, by the way.	— Теперь, когда Вахр мертв, от них никакого толку, — отмахнулся жрец. — Никто, между прочим, не знает, кто его убил.
Probably the rebels themselves.	Возможно, сами мятежники.
Guess they didn't appreciate his getting himself captured, eh?"	Наверно, им не понравилась его поимка?
Vasher said nothing.	Вашер промолчал.
"Is that all you want?" Bebid said impatiently.	— Это все, что вам нужно? — нетерпеливо спросил Бebид.

"I need to contact the factions you mentioned," Vasher said. "The ones who are pushing for war against Idris."	— Мне нужно связаться с ячейками, которые вы упомянули, — ответил Вашер. — С теми, кого гонят на войну с Идрисом.
"I won't help you enrage the—"	— Я не стану помогать вам в разжигании...
"Do <i>not</i> presume to tell me what to do, Bebid."	— Бебид, воздержитесь от указаний, что мне делать.
Just give me the information you promised, and you can be free of all this."	Просто передайте мне обещанные сведения и можете забыть об этом деле.
"Vasher," Bebid said, leaning in even further. "I <i>can't</i> help."	— Вашер, — произнес Бебид, еще сильнее подавшись вперед, — я не могу помочь.
My lady isn't interested in these kinds of politics, and I move in the wrong circles."	Моя леди не интересуется такого рода политикой, и я хожу вокруг да около.
Vasher ate some more, judging the man's sincerity.	Вашер съел еще немного, оценивая искренность собеседника.
"All right. Who, then?"	ПРОПУЩЕНО
Bebid relaxed, using his napkin to wipe his brow.	Бебид успокоился и принялся вытирать лоб платком.
"I don't know," he said. "Maybe one of Mercystar's priests?"	— Не знаю, — произнес он. — А вдруг поможет кто-нибудь из служителей Милосердной?
You could also try Bluefingers, I suppose."	Полагаю, что можно попытаться счастья и с Синепалым.
"Bluefingers?"	— Синепалый?
That's an odd name for a god."	Странное имя для бога.
"Bluefingers isn't a god," Bebid said, chuckling. "That's just a nickname."	— Синепалый не бог, — усмехнулся Бебид. — Это всего-навсего прозвище.
He's the High Place steward, head of the scribes.	Он главный эконом, глава писцов.
He pretty much keeps the court running; if anyone knows anything about this faction, it will be him.	Он многим заправляет во дворце, и если кто-нибудь знает об этой фракции, то только он.
Of course, he's so stiff and straight, you'll have a hard time breaking him."	Конечно, он упрям и несгибаем, так что вам будет трудно его сломить.
"You'd be surprised," Vasher said, shoveling the last bit of rice into his mouth. "I got you, didn't I?"	— Вы бы удивились, — ответил Вашер, кладя в рот последнюю ложку риса. — Ведь вас же разговорил?
"I suppose."	— Пожалуй.
Vasher stood.	Вашер встал.
"Pay the waiter when you leave," he said, grabbing his cloak off its peg and wandering out.	— Расплатитесь, когда будете уходить, — бросил он, снимая с крючка плащ, и вышел.
He could feel a . . . darkness to his right.	Он почувал... тьму в ночи.
He walked down the street, then turned down an alley, where he found Nightblood—still sheathed—sticking from the chest of the thief who had stolen him.	Прошел по улице и свернул в переулок, где обнаружил Ночного Хищника: тот, оставаясь в ножнах, торчал из груди похитителя.
Another cutpurse lay dead on the alley floor.	Еще один мертвый карманник лежал на земле.
Vasher pulled the sword free, then snapped the sheath closed—it had only been opened a fraction of an inch—and did up the clasp.	Вашер выдернул меч и застегнул ножны, которые приоткрылись всего на дюйм.
You lost your temper in there for a bit, Nightblood said with a chastising tone. I thought you were going to work on that.	«Ты там малость раскипятился, — пожурил Ночной Хищник. — Я решил, что разбора не миновать».
Guess I'm relapsing, Vasher thought.	«Считай это обострением», — подумал Вашер.
Nightblood paused.	Ночной Хищник помедлил.
I don't think you ever really unlapsed in the first place.	«Я думал, ты и не тупился».
That's not a word, Vasher said, leaving the alley.	«Неподходящее слово», — заметил Вашер, выходя из переулка.
So? Nightblood said. You're too worried about words.	«Разве? — не унимался Ночной Хищник. — Ты слишком заботишься о

	словах.
<i>That priest—you spent all those words on him, then you just let him go.</i>	<i>Тот жрец... ты обрушил на него много слов, а после отпустил.</i>
<i>It's not really how I would have handled the situation.</i>	<i>Я поступил бы иначе».</i>
<i>Yes, I know, Vasher said. Your way would have involved making several more corpses.</i>	«Да, знаю, — ответил Вашер. — Ты оставил бы после себя еще несколько трупов».
<i>Well, I am a sword, Nightblood said with a mental huff. Might as well stick to what you're good at. . . .</i>	«Что подлаешь, я же меч, — не без обиды ответил тот. — Но я мог бы преуспеть и в том, в чем ты мастер...»
***	***
LIGHTSONG SAT ON HIS PATIO, watching his new queen's carriage pull up to the palace.	Сидя в своем патио, Жаворонок наблюдал за приближением к дворцу экипажа новой королевы.
"Well, this has been a pleasant day," he remarked to his high priest.	— Что ж, предстоит приятный день, — заметил он первосвященнику.
A few cups of wine—along with some time to get past thinking about children deprived of their Breath—and he was beginning to feel more like his usual self.	Несколько чаш вина плюс время на то, чтобы забыть о детях, лишившихся духа, и он стал прежним.
"You're that happy to have a queen?" Llarimar asked.	— Вы рады, что обрели королеву? — спросил Лларимар.
"I'm that happy to have avoided petitions for the day thanks to her arrival.	— Я рад, что благодаря ей избежал прошений.
What do we know about her?"	Что нам о ней известно?
"Not much, Your Grace," Llarimar said, standing beside Lightsong's chair and looking toward the God King's palace. "The Idrians surprised us by not sending the eldest daughter as planned.	— Не много, ваша милость, — ответил Лларимар, становясь подле Жаворонка и глядя на дворец Бога-короля. — Идрийцы удивили нас, прислав не старшую дочь, как планировалось.
They sent the youngest in her stead."	Взамен они отправили младшую.
"Interesting," Lightsong said, accepting another cup of wine from one of his servants.	— Интересно, — сказал Жаворонок, принимая от слуги новую чашу вина.
"She's only seventeen years old," Llarimar said. "I can't imagine being married to the God King at her age."	— Ей всего семнадцать, — сообщил Лларимар. — Не представляю замужества за Богом-королем в таком возрасте.
"I can't imagine you being married to the God King at <i>any</i> age, Scoot," Lightsong said. Then he pointedly cringed. "Actually, yes I <i>can</i> imagine it, and the dress looks painfully inelegant on you. Make a note to have my imagination flogged for its insolence in showing me that particular sight."	— Тебя, Шныра, я в любом возрасте не представляю за ним замужем, — заявил Жаворонок и подчеркнуто скривился. — А впрочем, вообразить можно, и платье смотрится на тебе ужасно. Отметь нахальство этого видения, поставь себе галочку.
"I'll put it in line right behind your sense of decorum, Your Grace," Llarimar said dryly.	— Я напишу о нем через запятую, после заметок о вашей благопристойности, ваша милость, — сухо ответил Лларимар.
"Don't be silly," Lightsong said, taking a sip of wine. "I haven't had one of <i>those</i> in years."	— Не дури, — отмахнулся Жаворонок. — Вот уже годы понятия не имею, что это такое.
He leaned back, trying to decide what the Idrians were signaling by sending the wrong princess.	Он откинулся на спинку, пытаясь сообразить, на что намекали идрийцы, прислав не ту девушку.
Two potted palms waved in the wind, and Lightsong was distracted by the scent of salt on the incoming sea breeze.	Две пальмы в кадках качались на ветру, и Жаворонка отвлек аромат морского бриза.
<i>I wonder if I sailed that sea once, he thought. A man of the ocean? Is that how I died?</i>	«Интересно, плавал ли я хоть раз по тому морю, — подумал он. — Человек из океана? Этой ли смертью я умер?»
<i>Is that why I dreamed of a ship?</i>	<i>И мне поэтому приснился корабль?»</i>
He could only vaguely remember that dream now.	Теперь сновидение помнилось крайне расплывчато.
A red sea . . .	Красное море...
Fire.	Огонь.

Death, killing, and battle.	Смерть, убийства и бой.
He was shocked as he suddenly remembered his dream in starker, more vivid detail.	Его потрясло, как внезапно он вспомнил сон в острейших, живейших подробностях.
The sea had been red as it reflected the magnificent city of T'Telir, engulfed in flames.	Море было красно, поскольку отражало великолепный город Т'Телир, охваченный пламенем.
He could almost hear people crying out in pain, he could nearly hear . . . what?	Он почти слышал, как люди кричат от боли; он мог находиться рядом... что это?
Soldiers marching and fighting in the streets?	Солдаты маршируют по улицам и сражаются?
Lightsong shook his head, trying to dispel the phantom memories.	Жаворонок встряхнул головой, пытаясь развеять фантомные воспоминания.
The ship he'd seen in his dream had been burning too, he now remembered.	Насколько он помнил, пригрезившийся корабль тоже пылал.
It didn't have to mean anything; everyone had nightmares.	Это не обязательно что-то значило: кошмары бывают у всех.
But it made him uncomfortable to know that <i>his</i> nightmares were seen as prophetic omens.	Но ему стало не по себе — ведь его кошмары считались пророческими знамениями.
Llarimar was still standing beside Lightsong's chair, watching the God King's palace.	Лларимар все стоял у кресла Жаворонка, следуя за дворцом Бога-короля.
"Oh, sit down and stop looming over me," Lightsong said. "You're making the buzzards jealous."	— Ох, да сядь же и перестань надо мной нависать, — потребовал Жаворонок. — Невежды завидуют.
Llarimar raised an eyebrow. "And which buzzards would that be, Your Grace?"	— И что же это за невежды, ваша милость? — вскинул бровь жрец.
"The ones who keep pushing for us to go to war," Lightsong said waving a hand.	— Те, что продолжают подталкивать нас к войне, — отмахнулся Жаворонок.
The priest sat down on one of the patio's wooden recliners and relaxed as he sat, removing the bulky miter from his head.	Жрец сел в раскладное деревянное кресло, расслабился и снял высокую митру.
Underneath, Llarimar's dark hair was plastered to his head with sweat.	Под нею черные волосы Лларимара слиплись от пота.
He ran his hand through it.	Он их пригладил.
During the first few years, Llarimar had remained stiff and formal at all the times.	В первые годы Лларимар неизменно держался чопорно и официально.
Eventually, however, Lightsong had worn him down.	Но Жаворонок в итоге его доконал .
After all, Lightsong was the god.	В конце концов, Жаворонок был богом.
In his opinion, if he could lounge on the job, then so could his priests.	Если он полагал, что вправе бездельничать на службе , то и жрецы могли предаваться тому же.
"I don't know, Your Grace," Llarimar said slowly, rubbing his chin. "I don't like this."	— Я понимаю , ваша милость, — медленно произнес Лларимар, потирая подбородок. — Мне это не нравится.
"The queen's arrival?" Lightsong asked.	— Приезд королевы? — уточнил Жаворонок.
Llarimar nodded.	Лларимар кивнул:
"We haven't had a queen in the court for some thirty years.	— При дворе уже лет тридцать не было королевы.
I don't know how the factions will deal with her. "	Я понятия не имею, с какими она столкнется фракциями .
Lightsong rubbed his forehead.	Жаворонок потер лоб:
"Politics, Llarimar?"	— Политика, Лларимар?
You know I frown on such things."	Ты же знаешь, что она повергает меня в уныние.
Llarimar eyed him.	Лларимар всмотрелся в него:
"Your Grace, you are—by default—a politician."	— Вы и есть политик, ваша милость. По определению.
"Don't remind me, please.	— Прошу, не напоминай.

I should very well like to extract myself from the situation.	Я бы с удовольствием отделался от этой роли.
Do you think, perhaps, I could bribe one of the other gods to take control of my Lifeless Commands?"	Как по-твоему, сумею я подкупить других богов, чтобы они взяли под крылышко мои безжизненные войска?
"I doubt that would be wise," Llarimar said.	— Вряд ли это разумно, — ответил Лларимар.
"It's all part of my master plan to insure that I become totally and redundantly useless to this city by the time I die. Again."	— К минуте повторной смерти я рассчитываю стать полностью и нестерпимо бесполезным для города.
Llarimar cocked his head.	Лларимар склонил голову набок:
"Redundantly useless?"	— Нестерпимо бесполезным?
"Of course.	— Конечно.
Regular uselessness wouldn't be enough—I am, after all, a god." He took a handful of grapes from a servant's tray, still trying to dismiss his dream's disturbing images.	Простой бесполезности будет мало — как ни крути, я бог. — Жаворонок взял у слуги с подноса горсть виноградин, по-прежнему сиюсь отогнать тревожные образы.
They didn't mean anything.	Они ничего не значили.
Just dreams.	Просто сны.
Even so, he decided he would tell Llarimar about them the next morning.	Но он все равно решил наутро рассказать о них Лларимару.
Perhaps Llarimar could use the dreams to help push for peace with Idris.	Возможно, Лларимар сумеет сохранить мир с Идрисом, используя сновидения.
If old Dedelin hadn't sent his firstborn daughter, it would mean more debates in the court.	Раз старый Деделин не прислал первеницу, возможны новые дебаты при дворе.
More talk of war.	Новые разговоры о войне.
This princess's arrival should have settled it, but knew that the war hawks among the gods would not let the issue die.	Приезд принцессы должен был все уладить, но он знал: среди богов есть ястребы, которые так легко не сдадутся.
"Still," Llarimar said, as if talking to himself. "They did send <i>someone</i> . That is a good sign, surely.	— И все-таки они кого-то прислали, — заметил Лларимар, словно обращаясь к себе. — Это, несомненно, добрый знак.
An outright refusal would have meant war for certain. "	Прямой отказ наверняка означал бы для некоторых войну.
"And whoever Certain is, I doubt we should have a war for him," Lightsong said idly, inspecting a grape. "War is, in my divine opinion, even worse than politics."	— И кем бы ни были эти «некоторые», я сомневаюсь, что с ними нужно воевать, — лениво ответил Жаворонок, рассматривая виноградину. — По моему божественному мнению, война еще хуже политики.
"Some say the two are the same, Your Grace."	— Иные, ваша милость, говорят, что это одно и то же.
"Nonsense.	— Вздор.
War is far worse.	Война гораздо хуже.
At least where politics is going on, there are usually nice hors d'oeuvres."	По крайней мере, когда речь идет о политике, она оборачивается приличным антре.
As usual, Llarimar ignored Lightsong's witty remarks.	Лларимар, как всегда, проигнорировал остроумные замечания Жаворонка.
Lightsong would have been offended if he hadn't known there were three separate lesser priests standing at the back of the patio, recording his words, searching for wisdom and meaning within them.	Бог оскорбился бы, не знай он о трех низших жрецах, стоявших на задворках патио и заносивших в анналы все его изречения для дальнейшего поиска мудрости и смысла.
"What will the Idrian rebels do now, do you think?" Llarimar asked.	— Что же, по-вашему, предпримут идрийские мятежники? — спросил Лларимар.
"Here's the thing, Scoot," Lightsong said, leaning back, closing his eyes and feeling the sun on his face. "The Idrians don't consider themselves to be rebels.	— Это загадка , Шныра, — ответил Жаворонок, откинувшись в кресле, закрыв глаза и подставив лицо солнцу. — Идрийцы не считают себя мятежниками.

They're not sitting up in their hills, waiting for the day when they can return in triumph to Hallandren.	Они не торчат на холмах в ожидании дня, когда с триумфом вернутся в Халландрен.
This isn't their home anymore."	Это уже не их дом.
"Those peaks are hardly a kingdom."	— Эти кручи не похожи на королевство.
"They're enough of a kingdom to control the area's best mineral deposits, four vital passes to the north, and the original royal line of the original Hallandren dynasty.	— Достаточно похоже, чтобы идрийцы обладали территорией с лучшей рудой, четырьмя жизненно важными проходами на север и подлинной королевской кровью подлинной Халландренской династии.
They don't need us, my friend."	Мы не нужны им, старина.
"And the talk of Idrian dissidents in the city, ones rousing the people against the Court of Gods?"	— А как быть с разговорами о городских идрийских диссидентах , которые настраивают народ против Двора богов?
"Rumors only," Lightsong said. "Though, when I'm proven wrong and the underprivileged masses storm my palace and burn me at the stake, I'll be sure to inform them that you were right all along.	— Всего лишь слухи, — заявил Жаворонок. — Хотя, когда докажут, что я ошибся, и неимущие массы возьмут мой дворец штурмом, а меня сожгут на столбе, я обязательно сообщу им о твоей правоте.
You'll get the last laugh.	Ты посмеешься последним.
Or . . . well, the last scream, since you'll probably be tied up beside me."	Или... поवेशь, так как, скорее всего, будешь привязан рядом.
Llarimar sighed, and Lightsong opened his eyes to find the priest regarding him with a contemplative expression.	Лларимар вздохнул, и Жаворонок, открыв глаза, обнаружил, что жрец пристально рассматривает его.
The priest didn't chastise Lightsong for his levity.	Но он не порицал Жаворонка за легкомыслие.
Llarimar just reached down, putting his headdress back on.	Лларимар лишь нагнулся, снова надев головной убор.
He was the priest; Lightsong was the god.	Он был жрецом, а Жаворонок — богом.
There would be no questioning of motives, no rebukes.	Ни споров, ни упреков не последует.
If Lightsong gave an order, they would all do exactly as he said.	Если Жаворонок приказывал, все делалось по его слову.
Sometimes, that terrified him.	Порой это его ужасало.
But not this day.	Но не сегодня.
He was, instead, annoyed.	Нынче он был раздражен.
The queen's arrival had somehow gotten him talking about politics—and the day had been going so well until then.	Приезд королевы каким-то образом втянул его в разговор о политике, и это в день, который он собирался провести хорошо.
"More wine," Lightsong said, raising his cup.	— Еще винца, — изрек Жаворонок, поднимая чашу.
"You can't get drunk, Your Grace," Llarimar noted. "Your body is immune to all toxins."	— Ваша милость, вы не можете напиться, — заметил Лларимар. — Ваш организм невосприимчив к токсинам.
"I know," Lightsong said as a lesser servant filled his cup. "But trust me—I'm <i>quite</i> good at pretending."	— Я знаю, — ответил Жаворонок, когда младший слуга наполнил чашу. — Но поверь, я замечательно притворяюсь.